

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

УДК 330.3

О. Н. Мисько

ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ И «ГЕРМАНСКОЕ ЗАСИЛЬЕ» В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ: ПРИЧИНЫ, БОРЬБА И ПОСЛЕДСТВИЯ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с общим положением дел в иностранных инвестициях в России в начале XX в., а также имевшим место в отечественной истории событии, которое получило название «борьба с германским засильем» в годы Первой мировой войны. Данная борьба оценивалась российским правительством как условие обеспечения роста отечественного промышленного производства, как фактор экономического роста национальной экономики. В настоящее время российская экономика столкнулась с новыми проблемами, связанными с санкционной политикой западных стран и поиском путей преодоления вызванных ею кризисных явлений. Задачей исследования не является определение готовых рецептов по антикризисному регулированию, между тем автор рассматривает события столетней давности с точки зрения действенности такого рода политики. Может ли политика импортозамещения, которая активно пропагандируется в последнее время, стать реальным фактором экономического роста или ее результативность будет сравнима с результативностью «борьбы с засильем», а последствия окажутся слишком негативными? Вызывают интерес высказанные столетие тому назад экономическим сообществом пожелания и требования к экономической политике государства, которые практически не изменились за столетие, что позволяет говорить о нерешенности этих проблем и в настоящее время. Только планомерные институциональные преобразования могут быть источником экономического благополучия и независимости России, а не сомнительная реализация очередной политической кампании, вызванной действием внешних факторов. Библиогр. 28 назв. Ил. 2.

Ключевые слова: иностранные капиталы, немецкие капиталы, Первая мировая война, «германское засилье», Московское купеческое общество.

Oleg N. Misko

FOREIGN INVESTMENTS AND “THE GERMAN DOMINATION” IN RUSSIAN ECONOMY IN THE BEGINNINGS OF THE XX CENTURY: REASONS, STRUGGLE AND CONSEQUENCES

In this article the questions, connected with a general state of affairs in foreign investments in Russia at the beginning of the XXth century, and also taking place in national history an event which

---

Олег Николаевич МИСЬКО — доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; mon240762@gmail.com

Oleg N. MISKO — Doctor of Economics, Professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; mon240762@gmail.com

received the name “fight against the German domination” in the years of World War I are considered. This fight was considered by the Russian government as a condition of ensuring growth of domestic industrial production, that is as a factor of economic growth of national economy. In the conditions of a current situation of Russian economy, which faced with the new problems connected with sanctions policy of the Western countries and with the necessity to search the ways of overcoming the crisis phenomena caused by it. Without setting tasks of issuing ready recipes of anti-recessionary regulation, the author considers events of centenary prescription from the point of view of such policy effectiveness determination. Whether the policy of import substitution, which started to be propagandized actively recently, can become a real factor of economic growth or its productivity will be comparable with productivity of “fight against domination”, and the consequences will be too negative? The wishes stated a century ago by economic community and requirements to economic policy of the state, which practically didn't change in a century, allows us to speak about a suspense of these problems. Only systematic institutional transformations can become a source of economic welfare and independence of Russia, but not doubtful realization of the next political company caused by action of external factors. Refs 28. Figs 2.

Keywords: Foreign capitals, German capitals, World War I, “The German Domination”, The Moscow merchant society.

Введение

Германия исторически была и является важнейшим экономическим партнером России. Присутствие немецких капиталов в российской экономике было всегда заметным и играло важную роль в экономическом развитии обеих стран. Но для «старых» империалистических государств, прежде всего Британской империи и Франции, даже возможный прогресс или любое сближение России и Германии всегда представляло собой «ночной кошмар». Что могло получиться из союза высокотехнологичной экономики Германии и богатейшей по запасам ресурсов (природных, земельных, людских) России с точки зрения конкуренции со стремительно стареющими колониальными империями — Британией и Францией, сейчас можно только предполагать. Но ясно одно: ничего хорошего для стран будущей Антанты такой союз не сулил. Поэтому своей важнейшей дипломатической задачей Британия и Франция считали недопущение союза России и Германии; именно усилиями этих стран был вбит клин во взаимоотношения наших государств, как в политическом, так и в экономическом отношении. Проблема «германского засилья» в экономике России, как нам представляется, стала одним из важнейших инструментов углубления раскола в отношениях между Россией и Германией и недопущения в будущем возможного их сближения. Итак, с одной стороны, существовало ли «немецкое засилье» на самом деле? Несло ли оно угрозу национальной экономике, или явилось одним из националистических лозунгов русского национал-шовинизма? Или его следует в принципе рассматривать как пример неадекватного поведения государственной власти в условиях глубокого кризиса? Не произойдет ли повторения в других, более завуалированных формах подобного процесса в условиях современного кризиса, причем не только в России, но и в других, сильнее всего затронутых кризисом, государствах, где лишь поменяются персонажи подобного процесса?

С другой стороны, проводя определенные параллели между историческими процессами, проходившими в российской экономике рассматриваемого периода и имеющими место в настоящий момент, невозможно не заметить общность задач и последствий в эти исторические временные интервалы. И в начале XX, и в нача-

ле XXI столетий российская экономика поражена кризисными явлениями, причем не только структуралистского, но и институционального характера. В прошлом к таковым было отнесено «германское засилье», в настоящем — «санкционная война». И тогда, и теперь выдвигались и выдвигаются тезисы, что подобные «вызовы» нашей экономике принесут ей только благополучие в обозримом будущем: в прошлом (при условии ликвидации «засилья») и в настоящем (при сохранении санкций) отечественная экономика получит небывалый импульс для внутреннего развития. Так ли это на самом деле? Смогла ли российская предпринимательская среда извлечь действительную пользу от борьбы с «засильем», или это был просто популистский лозунг для физического устранения конкуренции на нашем рынке, которое вовсе не привело к улучшению ситуации, а позволило экономической элите стремительно обогатиться в годы Первой мировой войны и стать катализатором будущей революции?

В настоящий момент назрела необходимость синтезировать имеющуюся информацию и представить истинное положение дел относительно «немецкого засилья» в России. Существовало ли таковое на самом деле, или данную проблематику можно назвать вымыслом? Каковы истинные масштабы и последствия немецкого влияния, имевшие место в отечественной экономике?

Первая мировая война, чей сокрушительный удар пришелся в первую очередь на западноевропейскую индустрию в виде огромного производственного накопления, стагнацией в области материального производства, износом оборудования, низкой производительности труда ослабила экономические позиции стран не только Центральной, но и Западной Европы. По сравнению с 1913 г. в 1918 г. ВВП составил: в Германии — 82,0%, Австро-Венгрии — 73,3, Франции — 63,9, в Бельгии — 67,8% [Оль, 1922, с. 10–15]. Народное хозяйство Англии пострадало в меньшей степени, потому что Англия вступила в войну с небольшой по сравнению с другими странами армией и понесла потери во много раз меньшие благодаря своим заграничным капиталам, которые покрывали военные издержки, не привлекая производственные мощности метрополии. В результате того, что соблюдавшие нейтралитет страны получали обесцененные от военных действий деньги, продолжительные выгоды от военных поставок были попросту невозможны для них, и по сравнению с 1913 г. ВВП в 1918 г. был равен: в Норвегии — 96,3%, Голландии — 90,7, Швеции — 84,5, Швейцарии — 89,4, в Дании — 93,8% [Оль, 1922, с. 15–20]. США же из постоянного должника превратились в кредитора стран Запада, поставляя оружие, сырье и продовольствие странам Антанты по самым высоким ценам (ВВП США в 1918 г. по сравнению с 1913 г. составил 114,8%) [Оль, 1922, с. 19]. Первая мировая война способствовала и активному росту народного хозяйства Японии вследствие снижения конкурентоспособности стран Европы. Имело место наращивание экономической мощи для достижения большей экономической независимости от Европы; как результат — наблюдались активный торговый баланс, увеличение золотого запаса (ВВП Японии в 1918 г. по сравнению с 1913 г. составил 127,8%) [Оль, 1922, с. 20]. Война способствовала экономической самостоятельности колониальных и зависимых от Западной Европы стран. Вследствие того что сырье зависимых стран обесценилось в результате активного отвлечения морского флота на военные перевозки, на территории колоний создавалась новая местная промышленность: за годы войны, например, добыча угля в Британской Индии вы-

росла на 37,4%. Быстрыми темпами шла китайская индустриализация, Китай активно прокладывал новые транспортные пути и строил на своих верфях суда для США и Англии.

Нестабильность экономической ситуации в Европе отразилась самым болезненным образом и на экономике России. Ещё до революции внешняя торговля страны сократилась до крайне малых размеров и вылилась, в основном, в поставки продукции странам Антанты. Долг царской России кайзеровской Германии (по которому основные претензии двух сторон были погашены Рапалльским договором¹ в 1922 г.) играл чрезвычайно важную роль в определении участия внешней задолженности России, а также объема и структуры иностранных капиталовложений в экономической жизни страны.

Участие немецкого капитала в экономике России занимает особое место в комплексе проблем, связанных с присутствием иностранных капиталов в российском народном хозяйстве. Касательно количественных показателей капиталовложений кайзеровская Германия несколько уступала другим странам, например Англии и Франции, поэтому особый интерес представляет непосредственно само германское влияние, которое долгое время привлекало внимание своим откровенным спекулятивным характером (как в политическом, так и в экономическом плане).

Вступление России в Первую мировую войну обострило значение решения проблемы «германского засилья». Русский «царизм» видел в данном вопросе особую актуальность ввиду крайне напряженного внутривнутриполитического положения в стране. Ликвидация «немецкого засилья», по мнению правящей элиты, должна была нарастить активность и конкурентоспособность средней и мелкой буржуазии, что способствовало бы скорейшему обеспечению поддержки русского самодержавия со стороны широких буржуазных масс. Власти стремились заручиться поддержкой русской промышленности в лице ее «верхушки» [Кризис самодержавия..., 1984, с. 182]. Борьба с «немецким засильем» предполагала и существенные приобретения в сфере землевладения, не затрагивая интересы помещиков.

Борьба с «засильем» в экономическом секторе не заставила себя долго ждать. Законодательными актами от 22 сентября и 15 ноября 1914 г., 2 февраля, 1 июня и 13 декабря 1915 г. самодержавие несколько ограничило права подданных воюющих с Россией стран [Дякин, 1968, с. 227]. Реализацией этих мер должен был заняться Кабинет министров, но в силу накаленной военной обстановки в стране и за её пределами данная прерогатива весной 1916 г. перешла к специальному централизованному органу — Особому комитету по борьбе с «немецким засильем» (просуществовал до лета 1917 г. без значительных изменений).

«Немецкое засилье» стало рассматриваться комплексно относительно недавно, несмотря на то что проблема германского влияния была одной из ключевых во внутренней политике русского самодержавия во время Первой мировой войны. В 1930-е годы ученые в основном изучали её с точки зрения роли германских капиталов в русской промышленности и торговле, имея в виду систему монополи-

---

¹ Рапалльский договор — договор, заключенный во время Генуэзской конференции в г. Рапалло (Италия), который предполагал полное восстановление дипломатических отношений между РСФСР и Германией, а также взаимный отказ от претензий на возврат военных, невоенных расходов и убытков наряду с признанием Германией национализации государственной частной собственности в РСФСР.

стического капитализма. Исследователи «второй волны» (1960–1980-е годы), такие как П. А. Хромов, А. П. Погребинский, В. И. Бовыкин, опираясь на труды предшественников, проделали большую работу по преодолению «белых пятен» в более ранних исследованиях, уточнили данные по размерам и направлениям иностранных инвестиций. Они, в принципе, перевели исследование проблематики присутствия иностранного капитала в российской экономике из пропагандистской в научную плоскость, в отличие от ранних авторов, которые зачастую всё исследование проводили в целях решения политического вопроса: нужны или не нужны стране иностранные инвестиции²? Так, П. А. Хромова можно считать автором концепции инвестиционной привлекательности российского рынка для иностранного капитала [Хромов, 1960, с. 131, 137]. В. И. Бовыкин исследовал иностранные инвестиции в России с точки зрения формирования и функционирования финансового капитала [Бовыкин, 1967, с. 10, 292; 1984, с. 157, 180]. Исследователями «второй волны» было введено в научный оборот большое количество архивных новых, ранее недоступных или нежелательных по идеологическим соображениям, материалов.

Постановка вопроса о деятельности самодержавия в лице ряда кампаний против «немецкого засилья» принадлежит В. С. Дякину, который кратко рассматривает в своих работах ликвидационную политику российского правительства в промышленности и торговле [Дякин, 1968; 1971]. Исторические аспекты, связанные с «немецким засильем», изучались также и при исследовании истории создания и деятельности VII Департамента общих дел МВД, занимавшегося национально-политическими проблемами, в том числе и по указанным вопросам. В работе И. Г. Соболева рассмотрена концепция комплексного анализа германского влияния на экономический и политический секторы России [Соболев, 2004].

Однако, несмотря на многочисленные исследования в области истории формирования внутренней политики России в годы Первой мировой войны, экономический аспект так называемого «германского засилья» в России рассматривался преимущественно в контексте изучения культуры и политики.

Проблема «немецкого засилья» как в промышленности и торговле, так и в политике являлась объектом внимания не только ученых, но и политических провокаторов с момента её появления. Так, во время Первой мировой войны стали очевидными мотивы политической элиты — ликвидационные меры для многих влиятельных российских политиков и деятелей были своего рода доказательством их патриотического настроения и крайне эффективным способом избавления от конкурентов. Но после Февральской революции представители финансовой и политической элиты стали рассматривать иностранные, а конкретно немецкие, капиталовложения уже с другой стороны. Германские капиталы для них стали служить источником благотворного влияния на развитие промышленности, торговли и экономики в целом [Кризис самодержавия..., 1984, с. 576–583], поэтому можно смело поразмышлять о возможности подтасовок статистических фактов.

Как результат противоречий и подтасовок исторических фактов, существует проблема почти полного отсутствия достоверных статистических данных касательно «немецкого засилья». Например, подсчеты В. С. Зива [1915] вряд ли мож-

---

² Так, например, в зависимости от политической конъюнктуры усиливались или ослаблялись позиции так называемых «денационализаторов» (считали, что роль иностранного капитала возрастает) и «национализаторов» (придерживались противоположного мнения).

но считать полностью достоверными, так как исследователь использовал в значительной степени газетные источники, статистические материалы которых в связи с «антинемецким» положением очевидно были преувеличены; столь же «достоверными» можно назвать и подсчеты А. Н. Зака [1914]. Основные данные, которыми пользуются практически все ученые, принадлежат П. В. Олю [1922]. Но это связано главным образом с отсутствием других конкретных достоверных данных. Работа Оля в большей степени представляет собой экспертную оценку, нежели исследование, основанное на точной и достоверной статистической информации.

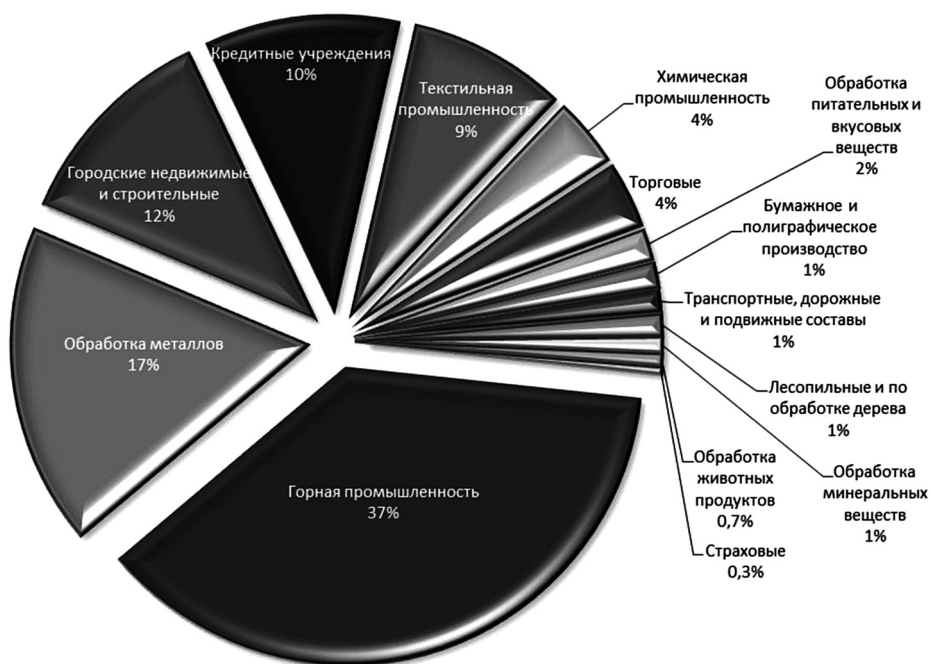
1. Основное содержание иностранных инвестиций в экономическом секторе Российской империи

1.1. Иностранные капиталы в российской промышленности

«В конце XIX века русская промышленность жила, главным образом, иностранными капиталами: только 21% всего её капитала был туземного, русского, происхождения, остальное так или иначе получалось из-за границы» [Вавилин, 1925, с. 89]. Общая же сумма вложенных к 1917 г. иностранных капиталов в промышленность, торговлю и банки, по подсчетам П. Оля, оценивается в 2 242 974 600 руб., из них акционерные — 198 677 200 руб. и облигационные — 256 020 260 руб. Тем не менее П. Оль делает поправку на то, что данная сумма может оказаться не совсем точной, так как капиталы притекали в Россию в многообразных формах и проявлениях. Иностранные капиталы, применявшиеся в народнохозяйственной деятельности страны, могут быть сведены к четырем основным категориям, находящимся в тесной связи одна с другой: «во-первых, государственные займы, заключаемые как со специальными целями, например для постройки железных дорог, так и для удовлетворения общегосударственных потребностей; второй способ приобретения иностранных капиталов представляет собой долгосрочные займы общественных и частных учреждений, заключаемых на внешних денежных рынках; в-третьих, иностранный капитал проявляется на внутреннем рынке в форме краткосрочных операций по учету векселей и ссудам, выполняемых посредством местных банковских учреждений; наконец, иностранный капитал приходит вместе с иностранной предприимчивостью для непосредственной эксплуатации богатств страны» [Воронов, 1901, с. 3–4]. Те отчетности и балансы, которые публиковали различные акционерные общества и банки, зачастую не соответствовали реальному положению дел данных организаций. И очевидно, что это крайне запутывало и затрудняло правильный подсчет иностранных капиталов в стране. Отраслевая структура иностранных инвестиций в России на начало XX в. была достаточно многообразной (рис. 1).

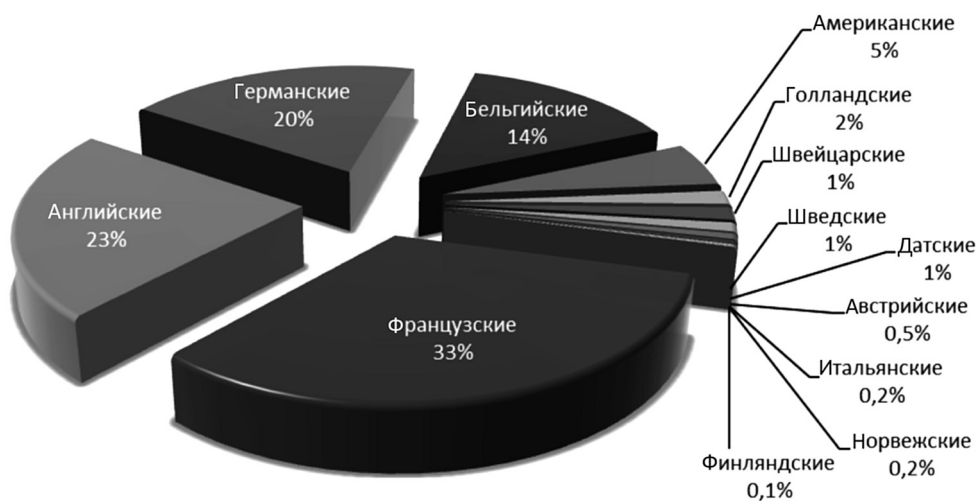
Так как горная промышленность является основной базой всей промышленности и представляет собой важнейшую часть народного хозяйства, то очевидно, что именно в эти отрасли стекается в первую очередь иностранный капитал. И как итог, «на 1917 год 16 миллиардов государственных займов, более 1 миллиарда в частных железных дорогах и 2,25 миллиарда в промышленности и банках» [Оль, 1922, с. 10].

Иностранные капиталы по национальной принадлежности были представлены практически всеми европейскими государствами и США (рис. 2).

Составлено по: [Воронов, 1901, с.85–86].

Рис. 1. Отраслевая структура иностранных инвестиций в России в начале XX в.

Составлено по: [Оль, 1922, с.10, 42, 72, 100, 119, 121].

Рис. 2. Национальный состав иностранных инвестиций в России в начале XX в.

Как показано на рис.2, на долю стран Антанты приходится порядка 1 681 085,6 тыс. руб., т. е. примерно 75%, на долю иностранных капиталов Германии и Австрии — 449 143,2 тыс. руб., или только 20%. Капиталы нейтральных стран в сумме незначительны и составляют около 5%. Пожалуй, на основании данного

распределения иностранных капиталов в России среди стран можно сделать определенный вывод по поводу того, что превосходство капиталов Антанты над германскими и австрийскими несет в себе глубокий внешнеполитический смысл. Очевидно, что в случае войны (Первой мировой войны) Россия должна была оказаться на стороне Антанты безоговорочно.

Для относительно молодого германского капитализма, сосредоточившего в своих руках сравнительно небольшие колонии, которые к 1914 г. занимали: метрополии — 0,5 млн кв. км; колонии — 2,9 млн кв. км, с населением: метрополия — 64,9 млн человек, колонии — 12,3 млн человек [Вавилин, 1925, с. 15]), в начале XX в. был характерен чрезвычайно быстрый рост по всем направлениям. В особенности наиболее ярко выражено стремление германского капитала к захвату новых рынков, что впоследствии и стало первопричиной Первой мировой войны. По словам В. И. Ленина, «капитализм не может существовать и развиваться без постоянного расширения сферы своего господства, без колонизации новых стран и втягивания некапиталистических старых стран в водоворот мирового хозяйства» [Ленин, т. 3, с. 552]. Германия с конца XVIII в. начинает активно вывозить капиталы в другие страны. Так, заграничные займы составили: в 1902 г. — 10 млрд, а в 1910 г. — 35 млрд марок. «За восьмилетний период Англия увеличила свои капиталы на 40%, Франция — на 34,6%, а Германия — на 250%, сравнявшись при этом с Францией» [Вавилин, 1925, с. 17]. К началу Первой мировой войны общая сумма германских капиталов, вывезенных за границу, насчитывала примерно 40 млрд марок (это примерно, считая по 4%, 4600 млн марок в год). Россия же в списке стран, куда вывозились капиталы Германии, занимала 7-е место (411 млн марок).

«Промышленный переворот» второй половины XIX в. способствовал «вливанию» германских инвестиций в экономику России, которое поощрял «деловой костяк» Германии. И как результат, в 1899 г. в Берлине начал свое существование союз по охране и развитию русско-германских сношений во главе с Германом Виртом³. Основой содержания данного союза в целом было оказание юридической консультации и поддержки германским предпринимателям, планировавшим инвестиции в России. «Предприниматели Германии, решившиеся на прямое инвестирование, в известной мере считались “еретиками”» [Иностранное предпринимательство..., 1997, с. 121], ибо для официальных политических кругов зарубежное инвестирование должно было представлять собой не частное инвестирование, направленное на максимизацию прибыли, диверсификацию производства и поддержку предприятия в конкурентной борьбе, а инвестирование по сугубо военно-политическим соображениям страховки Германии в случае внутреннего кризиса и возможной войны. Ценные бумаги, которые дисперсионно распределялись между странами, в чьи экономики непосредственно инвестировались средства, могли бы создать некоторый запас, который германские предприниматели реализовали бы в случае определенных кризисных явлений. Россия, на территории которой исторически существовала немецкая диаспора, создавала благоприятные условия для развития германского предпринимательства.

---

³ Герман Вирт — голландско-немецкий учёный и мистик, изучавший древние религии, символы и языки. В 1914 г. после оккупации Германией Бельгии в ходе Первой мировой войны поддержал фламандских сепаратистов и с конца 1914 г. работал в германской оккупационной администрации. Издавал газету *De Vlaamsche Post*.

В Россию «Германия посылала не только капитал в денежной форме, но и импортировала людей, приносивших с собой часто капиталы наравне с предпринимательским духом, энергией, инициативой, опытом... Из немецких рук предприятия почти не уходят, владельцев не меняют» [Левин, 1918, с. 53–55]. Вместе с тем, описывая индивидуальный характер германских инвестиций, Л. Я. Эвентов утверждал, что германский капитал «обслуживал интересы своей национальной индустрии путем открытия в России филиалов крупных германских промышленных объединений — электрических, химических, машиностроительных и т.д. — или путем учреждения внешне самостоятельных, но фактически подсобных предприятий, занимавшихся добыванием сырья для германских предприятий и сбытом их продукции» [Эвентов, 1931, с. 26].

Экономика Российской империи с началом нового века была во многом зависима и функционировала за счет иностранных капиталовложений. Капиталы других стран активно поддерживали и процветали в целом ряде отраслей промышленности. Относительно молодой германский капитализм с началом XX в. показывал чрезвычайно быстрый рост по всем направлениям. Так, по национальной принадлежности германские капиталы занимали почетное третье место, уступая лишь Англии и Франции. Индивидуализированность германского капитала, его содержательная качественная сторона, технологичность производственного процесса, высокоразвитый менеджмент организации способствовали усилению недоверия к немецким капиталовложениям в нашей стране. По сути, Германия, вкладывая деньги в экономики других стран, децентрализованно распределяла свои капиталы, что давало ей огромное преимущество в ходе возможной войны при определенных условиях. Поэтому смело можно заявить о том, что захватнический характер в области новых рынков стал первопричиной Первой мировой войны.

В целом распределение германских капиталов по отдельным отраслям промышленности явилось более равномерным в отличие, скажем, от английских и французских. Тяготение германских капиталов к закреплению в наиболее привлекательных отраслях и районах способствовало, как упоминалось выше, тому, что капитал был индивидуализирован, не был так обезличен, как, например, французский капитал, направленный на закрепление в различных отраслях, поддерживающийся со стороны немецкой диаспоры предпринимателей, которые выезжали вслед за своими инвестициями, создавали относительно крепкую связь с отечественным капиталом. «Наибольшая сумма германских капиталов, вложенных в промышленные предприятия в России к началу революции и достигавших в общей сложности 441,5 млн руб., приходилась на предприятия по обработке металлов и машиностроению, а именно 87 198,1 тыс. руб., или всего лишь 19,8% от суммы всех германских капиталов, вложенных в акционерные и паевые предприятия к началу революции в России. Затем почти такую же сумму, а именно 84 700,0 тыс. руб., составляли германские капиталы, вложенные в банковские предприятия, так что процентное отношение к сумме всех германских капиталов в промышленных предприятиях составляло 19,2%. Третье место по величине сумма вложенных германских капиталов в горной промышленности составляла в указанный момент 73 497,1 тыс. руб., или 16,7%. Почти такую же сумму, а именно 70 866,7 тыс. руб., составляли германские капиталы, вложенные в городские предприятия. Процентное отношение этих капиталов к общей сумме германских капиталов, вложенных

в акционерные и паевые предприятия, составляло 16,1%» [Оль, 1922, с. 71]. Далее по величине суммы вложенных капиталов следовали текстильные предприятия, химические, целлюлозные и писчебумажные⁴. На семь вышеперечисленных групп предприятий приходилось порядка «416 936,3 тыс. руб., или 94,25% от общей суммы всех германских капиталов, или 94,25% от суммы всех германских капиталов, вложенных во все акционерные и паевые предприятия. Остальные 24 656,9 тыс. руб. (5,8%) распределяются между отдельными группами предприятий следующим образом: по обработке питательных веществ — 9600,0 тыс. руб. (2,2%), страховыми — 3000,0 тыс. руб. (0,7%), торговыми — 2827,5 тыс. руб. (0,6%), по обработке животных продуктов — 2100,2 тыс. руб. (0,5%), обработке минеральных веществ — 900,0 тыс. руб. (0,3%) и лесопильная — 279,4 тыс. руб. (0,1%)» [Оль, 1922, с. 71].

Германские инвестиции в предприятиях по металлообработке и машиностроению стояли на втором месте, уступая французским капиталам; в горной промышленности — на четвертом месте после французских, английских и бельгийских капиталов; в городских предприятиях — на втором месте сразу после бельгийских. Но в отдельных отраслях, точнее в группах предприятий, например в группе предприятий по электрическому освещению, они занимали первое место: из общей суммы в 99,6 млн руб. на их долю приходилось 45,9 млн руб. «Если можно говорить о захвате германскими капиталами отдельных отраслей промышленности, то это может относиться лишь к химической промышленности и к электрическим предприятиям, но и захват германских капиталов носит совершенно иной характер, чем английских и французских, устанавливающих тесную связь между всеми предприятиями посредством создания обществ по продаже изделий захваченных отраслей промышленности или сплетением общностью интересов» [Оль, 1922, с. 99]. Таким образом, германские капиталы можно назвать доминирующими лишь в химической и электротехнической промышленности.

«В какую бы отрасль сложной химической промышленности в России ни взглянуть, всюду видны следы явного и скрытого влияния германцев...» [Зив, 1915, с. 66]. Введение иностранных инвестиций в химическую промышленность России начинается с открытия конторы *BadischeAnilin-und Sodafabrik*⁵ в Москве в 1874 г., затем в 1877 г. было организовано фабричное производство в Бутырках. В 1878 г. компания *Hoechst*⁶ открыла склад для хранения ализарина. Также одной из наиболее примечательных в химической промышленности того времени можно выделить фирму Фридриха Байера⁷, которая производила на территории России с 1883 г. красящие вещества для текстильной промышленности. Немецкие фирмы

⁴ Текстильные предприятия с суммой капиталов 45 570,3 тыс. руб. (10,0%), химические с суммой капиталов 31 468,1 тыс. руб. (7,1%), целлюлозные и писчебумажные вместе с полиграфическими — с суммой капиталов 23 641,7 тыс. руб. (5,4%) [Оль, 1922, с. 71].

⁵ *BadischeAnilin-undSoda-fabrik* — крупнейший в мире химический концерн, основанный 6 апреля 1865 г., *BadischeAnilin- undSoda-Fabrik*, т. е. «Баденская фабрика по изготовлению анилина и соды»; с 1925 по 1952 г. компания входила в германский химический концерн *IG Farben*.

⁶ *Hoechst AG* — немецкая химическая компания, выпускала химические волокна, пластмассы, лекарства и проч. До 1952 г. входила в германский химический концерн *IG Farben*.

⁷ «Байер Фридрих» (*FriedrichBayer AG*), акционерное общество, германский химический концерн. С конца 1870-х годов имело контору по сбыту товаров в Москве. В 1883 г. основана собственная фабрика по производству ализарина, которая находилась на южной окраине Москвы в Хамовниках. Вильгельм Лёв, руководитель данной фирмы, создал российское отделение общества химиков в 1911 г.

крайне интересовались производством различных видов минеральных удобрений, соды, красителей, лекарств и т. д. Из числа 19 химических предприятий, с вложенными в них германскими капиталами в сумме 31 468,1 тыс. руб., 12 предприятий приходилось на чисто химические предприятия, причем сумма вложенных в них германских капиталов составляла 15 068,1 тыс. руб., 3 — на резиновые предприятия с суммой германских капиталов 3800,0 тыс. руб. и 2 — на нефтеперегонные с суммой германских капиталов 600,0 тыс. руб. [Оль, 1922, с. 93].

Из пяти предприятий целлюлозной, писчебумажной и полиграфической промышленности, которые работали преимущественно на германском капитале, два приходилось на целлюлозно-писчебумажные, причем сумма вложенных в них германских капиталов составляла 20 891,7 тыс. руб., два — на писчебумажные с суммой германских капиталов 2400,0 тыс. руб. и одно — на полиграфическое с суммой германских капиталов 350,0 тыс. руб. [Оль, 1922, с. 94]. Как считалось, все предприятия, входящие в данную отрасль, действовали на основании русских уставов. Однако «Русское акционерное общество фабрики Вальдгоф», несмотря на свой русский устав, по сути управлялось исключительно германским предприятием. Акции и облигации данного предприятия котировались на берлинской бирже, в то время как на русской бирже они не котировались, поэтому можно считать, что весь акционерный капитал этого предприятия в 12 000,0 тыс. руб. и весь облигационный капитал в 6641,7 тыс. руб. был по-настоящему германским.

Что касается предприятий по обработке вкусовых и питательных веществ, то первое место среди них занимают табачное предприятие («Лаферм») с суммой германских капиталов в 4000,0 тыс. руб., далее в статистике, предложенной П. В. Олем, следуют 4 свеклосахарных и рафинадных предприятия с суммой германских капиталов 2100,0 тыс. руб., одно маслосеяное — 2000,0 тыс. руб., одно кондитерское — 1000,0 тыс. руб., одно пивоваренное — 500,0 тыс. руб. [Оль, 1922, с. 95].

«Фактические хозяева отрасли» — именно так В. С. Зив оценивал положение немецких фирм в электротехнической промышленности России. По словам И. И. Левина, в электротехнике вложения немецкого капитала составляли примерно 85% (или 16,85 млн руб.) от общей суммы капитала данной сферы [Левин, 1918, с. 64]. Созданное в 1855 г. фирмой *Siemens&Halske*⁸ предприятие «Общество электрического освещения» являлось старейшим в данной отрасли на территории России. Позже появились филиальные предприятия фирм: *Elektrizitäts-Aktiengesellschaftvorm. Schuckert&C^o* (1884 г.), «Всеобщая компания электричества» (1892 г.) и др. Размер основного капитала немецких филиалов в 1913 г. составлял 43,05 млн руб. [Донгаров, 1990, с. 24]. Так, на «Всеобщую компанию электричества», «Сименс» и русское общество «Шуккерт и К^o» приходилось 57,60 млн руб. из 63 млн руб. [Зак, 1914, с. 24].

Участие немецких капиталов в газовой промышленности, согласно заключениям А. Н. Зака, на 1 января 1911 г. было представлено в виде 4 немецких обществ по газовому освещению с основным капиталом 12,5 млн руб., именно: германское

---

⁸ *Siemens&Halske* — немецкая компания, занимавшаяся производством электротехнического оборудования, железнодорожного транспорта и бытовой техники. «Вернер Сименс» 12 октября 1847 г. совместно с Иоганном Гальске создал фирму *Telegraphen-Bauanstalt Siemens&Halske*, занимавшуюся кроме электротелеграфии широким кругом работ в области точной механики и оптики, а также созданием электромедицинских аппаратов.

акционерное общество «Соединенные газовые заводы в Аутсбурге» — отделения в Калише, Петрокове и Томашеве; германское акционерное общество «Гаарденский газовый завод» — отделение в Либаве; германское акционерное общество «Немецкое континентальное общество газового освещения в г. Дессау» с предприятием в Варшаве; германское акционерное «Общество для эксплуатации газа и электричества» с принадлежащими ему Крондштадским и Виленским заводами. В процентном соотношении к общей сумме основных капиталов десяти существующих в России газовых предприятий в 17,4 млн руб. капиталы означенных четырех обществ составляют 17,8%. На остальные нации приходится: 12,6% — французский капитал, 7,4% — бельгийский и 8,2% — русский капитал [Зак, 1914, с. 27].

«Значительное влияние германцев на российскую машиностроительную промышленность не поддается точному учету. Есть много машиностроительных заводов, которые по разным признакам обыкновенно причислялись к русским, бельгийским и французским предприятиям. Однако при внимательном рассмотрении оказывается, что на самом деле руководителями и крупными акционерами этих предприятий являлись германцы» [Зив, 1915, с. 49]. Германские капиталы активно вливались в машиностроительную промышленность, хотя для немецких предпринимателей вложения средств в данную отрасль было менее прибыльным по сравнению с продажей машин и оборудования. В общей сложности 441,5 млн руб. приходилось на предприятия по обработке металлов и машиностроению, а именно 87 198,1 тыс. руб., или всего лишь 19,8% от суммы всех германских капиталов. Часть капитала, отведенного на машиностроение, была распределена среди 16 заводов: «Общество русских трубопрокатных заводов», «Акционерное общество Северного механического и котельного завода» и др. [Военная промышленность России..., 2004, с. 516–517].

Согласно исследованиям, проведенным А. Н. Заком, опубликованным в статье «Нефтяной трест в России» [Зак, 1913], на территории России существовали две главные русские нефтяные группы: группа Нобеля, состоявшая из предприятий Нобеля, Манташева, Гукасова, а также группа Ротшильда. В 1906 г. русско-немецкое общество, которое занималось борьбой с американским трестом *Standart Oil Company*⁹, объединилось в одну организацию с *British Petroleum Company*. Данная фирма была создана с начальным капиталом в 20 млн марок, доведенным до 37 млн марок, из которых на долю *DeutscheBank* приходилось 20 млн марок и Нобеля с Ротшильдом — 17 млн марок¹⁰.

Участие германского капитала на территории России в развитии таких отраслей промышленности, как металлургическая, горнодобывающая, выглядело немногим скромнее по сравнению с вливаниями капитала в эти отрасли французов и бельгийцев. Такие выводы можно сделать на основании подсчетов А. Н. Зака, согласно которым в начале XX в. в металлургию немцами было вложено 9 263 500 руб., а в горное дело — 694 500 руб. [Зак, 1914, с. 10]. По подсчетам Г. Д. Бакулева, в металлургической промышленности германские инвестиции составляли 6% по отношению ко всем иностранным капиталам, а в каменноугольной — всего 2,8% [Бакулев,

⁹ *Standart Oil Company* контролировала в Германии *Deutsch-Amerikanische Petroleum gesellschaft*.

¹⁰ *British Petroleum Company* образовался в результате слияния английского предприятия Нобеля и Ротшильда (из *Consolidated Petroleum Company* и *General Petroleum Company*), в которую вошли многие французские, немецкие организации, имеющие отношение к нефти.

1953, с. 153]. Наиболее привлекательной для внедрения германских капиталов была сфера добычи марганцевой руды на Кавказе с 1900 г.¹¹ В 1913 г. на долю Германии приходилось примерно 38,6% общего вывоза кавказской руды за границу [Зив, 1915, с. 37].

Что же касается группы предприятий по обработке минеральных веществ, то в неё входило всего лишь одно предприятие, которое функционировало благодаря германским капиталам, а именно: акционерное общество Новороссийского завода портландского цемента «Цепь» с акционерным капиталом 1500,0 тыс. руб. На долю германских капиталов в данном учреждении приходилось порядка 900,0 тыс. руб., несмотря на то что акции и облигации данного общества не котировались на берлинской бирже [Оль, 1922, с. 98].

Германскую промышленность в общей массе промышленных предприятий отличало то, что её организованность способствовала накоплению запасов капиталов для активного распространения своего влияния на Запад. Соответственно, для достижения этой цели промышленные группы создавали самостоятельные финансовые общества. Данные финансовые органы, являясь исполнительными органами в ряде ведущих европейских государств, осуществляли свои задачи посредством привлечения капиталов для осуществления в жизнь проектов, которые были намечены и разработаны германскими промышленными группами. Широкое распространение получила филиальная система финансирования промышленными группами за границей, пик развития которой приходился на 70–80-е годы XIX в., в особенности по отношению к России. Однако с 90-х годов того же века руководители промышленных групп начали осознавать, что необходимо сменить систему финансирования в связи с невозможностью или ограниченностью её эластичности по политическим или другим соображениям. Именно поэтому электротехническая и электрические группы, при содействии германских банков, начинают организовывать за границей самостоятельные финансовые общества. Но нужно сказать, что, несмотря на участие банков, руководящую роль в этих обществах, однако, сохраняют за собой названные промышленные группы [Зив, 1915, с. 8].

Итак, при полном рассмотрении участия германских капиталов по отдельным отраслям промышленности можно сказать, что по характеру распространения они были более равномерными и не монополизированными, в отличие от французских и английских капиталов. Если речь идет о захвате определенных отраслей промышленности, то, пожалуй, это может относиться только к химической и электротехнической промышленности.

Распределение германских капиталов в русской промышленности путем закрепления своих капиталов в наиболее привлекательных отраслях способствовало индивидуализированности капитала, его исключительному характеру. При ближайшем рассмотрении становится понятно, что вливание большей части немецкого капитала происходило в самые наукоемкие и дорогие по своему содержанию отрасли: электротехническую, химическую, машиностроительную. Внутренняя политико-экономическая напряженность способствовала усугублению проблемы технического состава капитала и концентрации производства. Хотелось бы отметить, что русская промышленность в начале XX в. (первые десять лет) переживала

¹¹ В 1900 г. группа немецких промышленников заключила ряд соглашений, дающих право разрабатывать марганцевые руды в Чиатуре (Грузия).

период депрессии. Признаки оживления можно было наблюдать лишь с 1903 по 1905 г., но затем, вплоть до 1910 г., промышленность ожидал ещё более серьезный застой. Катастрофическое падение нормы прибыли поставило предприятия перед необходимостью понизить издержки производства. Очевидно, что «проблемы технического состава капитала и концентрации производства стали перед промышленностью во всей своей остроте» [Ронин, 1926, с. 48]. Решение данной проблемы требовало огромных средств, которые возможно было получить благодаря эмиссии или кредитам коммерческих банков. Но для единоличных реорганизаций этот способ являлся малодоступным, поэтому единственным выходом для них стало акционирование. Это процесс во многом зависел от кредитных учреждений, но русским банкам данное финансирование было доступно только с помощью иностранного капитала.

Очевидно, что немецкие капиталы направлялись в Россию как средство для удержания рынков сбыта. По мнению ряда ученых [Брандт, 1898–1901; Янжул, 1884], насаждение германского капитала в экономике России — это своего рода средство борьбы с повышением пошлин на немецкие продукты. В основном, если рассматривать территории, в которых имел свойство концентрироваться германский капитал, они носят пограничный характер. Соответственно, данные территории и были первоначальными рынками сбыта. Возможно, расположение капиталоемких германских предприятий в относительной близости к метрополии было обусловлено стремлением сохранить экономически выгодную связь с Германией. Система расположения и функционирования филиалов носит свой, как упоминалось выше, ярко индивидуализированный характер. Германский капитал был зависим от своих родоначальников за границей, действуя согласно их требованиям и указаниям. Без сомнения, финансовая организация германских филиалов строится на поддержке русских коммерческих банков, которые, в свою очередь, зависят от берлинских, и как результат, в подтверждение слов П. В. Оля, зависимость и контроль ещё более усиливаются. Вышесказанное полностью относится, например, к такому предприятию, как «Общество электрического освещения», в котором крупный пакет акций принадлежит цюрихскому *Bank Fur Elektrische Unternehmung*, принимающему участие в синдикате по финансированию электрических предприятий в России. Также банк был членом многих немецких консорциумов в России: «Электрическая сила» (Баку), Московское общество электрической силопередачи (Богородск), Сосновицкая электрическая станция и многие другие [Левин, 1918, с. 68]. На этих предприятиях использовались исключительно немецкие полуфабрикаты, сырье, и товары. Такая же система подчинения филиальных предприятий была распространена и в химической промышленности, в которой целый ряд предприятий и фабрик являлись филиальным отделением немецких фабрик с полным подчинением метрополии.

Стоит отметить, что интерес метрополии в развитии такого рода финансового влияния играет важную роль в распространении своего влияния и расширения деятельности в других странах. Как указывалось выше, очевидно, что учреждение подобных предприятий было связано с попыткой уклонения от различных ограничений на пути развития непосредственно самого рынка сбыта немецких товаров. А что же происходит с точки зрения страны, на которую это филиальное влияние распространяется? Иностраный капитал такого характера чрезвычайно важен

для страны — реципиента капитала. Концентрируясь на приросте отечественного и уменьшении иностранного капитала, эти перенесенные предприятия создают хорошую базу для развития экономического сектора страны. По сути, создание таких международных, интернациональных предприятий способствовало снижению таможенной зависимости стран друг от друга. Данные промышленные предприятия во многом зависели от коммерческих кредитов русских банков.

Идея необходимости создания финансовых обществ, которые оберегали бы промышленные группы от увлечения спекулятивной деятельностью, была впервые озвучена в 1897 г. генеральным директором берлинского общества «Всеобщая компания электричества»¹² следующими словами: «В целях развития крупных промышленных предприятий за границей, приобретающих в настоящее время для нас тем большее значение, что внутренний рынок суживается, появляется необходимость создания трестовых обществ, которые, владея крупными капиталами и международным престижем, могли бы взять на себя руководство в этих предприятиях. Задача финансирования крупных промышленных предприятий не может быть возложена на германские банки, так как в периоды промышленных депрессий или политических осложнений банки эти, являющиеся посредниками капитала между публикой и промышленными предприятиями, легко могут оказаться не в состоянии поддержать такие предприятия» [Зив, 1915, с. 8].

Наибольшее, относительно других, значение имеет капитал, вложенный в русские коммерческие банки. По оценке П. В. Оля и В. С. Зива, германские капиталы оказывали существенное влияние на политику и действия русских коммерческих банков, контролируя в какой-то мере развитие отдельных отраслей промышленности. Немецкий капитал в начале XX в. продвигался проторенной дорогой финансирования предприятий с обеспеченной крупной доходностью (электрическая и машиностроительная промышленность). «Капитал шел в промышленные предприятия, где задача сводилась лишь к содействию дальнейшему накоплению здесь капитала за счет туземных средств (мануфактурная промышленность), инвестировался в наши ценности с гарантированной русским правительством фиксированной доходностью, в наши банковские ценности, уменьшающие, как было сказано выше, риск непосредственного финансирования промышленности» [Зак, 1914, с. 51].

1.2. Иностраный капитал в российском кредитно-банковском секторе

Иностраный капитал обратил свое внимание на русские кредитные коммерческие организации с самого их появления в 60-х годах XIX в. Так, общество взаимного поземельного кредита было основано иностранцами капиталистами в 1866 г. Оно выпускало свои закладные листы через Ротшильда и Блейхерда. Основной задачей Центрального банка русского поземельного кредита, созданного

---

¹² Всеобщая компания электричества, ВКЭ (*Allgemeine Elektrizitäts-Gesellschaft, AEG*), германский электротехнический концерн. Действовал в России с 1892 г. в связи с получением заказа на устройство трамвайной линии в Киеве. В 1897 г. привлечен к электрификации Москвы и С.-Петербурга. В том же году компания по производству аккумуляторов «Тудор» (Берлин), руководимая ВКЭ совместно с фирмой «Сименс и Гальске», приобрела российские общества «С. П. Гернет» и «А. А. Винтергальтер» и образовала в С.-Петербурге «Русское общество Тудор» с капиталом 600 тыс. руб. В 1898 г. в Петербурге открыто бюро ВКЭ, возглавленное Леоном Гольдштаубом (*L. Goldstaub*) (подробнее об этом см.: [Дякин, 1971]).

в 1873 г., было привлечение иностранных капиталов на территорию нашей страны для выдачи ипотечных ссуд [Левин, 1918, с. 21]. Изначально первые коммерческие банки создавались на основе отечественного капитала, почва для которого была подготовлена переходом от натурального к рыночному хозяйству. Немецкие же капиталы, которые играли большую роль в организации кредита в России, приняли активное участие в развитии акционерных банков (первые придворные банкиры). Так, в самом начале, в период «первой волны» иностранного капитала, влияние германских капиталов было велико. Наличие в учредительных списках фамилий знаменитых и богатых германских подданных, а также банковских домов Берлина, Франкфурта, Гамбурга для русского банковского дела свидетельствует о многом (учредители Санкт-Петербургского коммерческого банка — Иоганн Беренбберг, Гейслер и К^о в Гамбурге, братья Бетман во Франкфурте, Эрлангер и С-я во Франкфурте) [Левин, 1918, с. 22].

Итак, по оценке П. В. Оля, из 16 кредитных учреждений, работавших в России, при участии германских капиталов, кредитных учреждений с суммой германских капиталов в 81 200,0 тыс. руб. приходится на предприятия краткосрочного коммерческого кредита и лишь 2 кредитных учреждения с суммой германских капиталов 3500,0 тыс. руб. — на предприятия долгосрочного ипотечного кредита. Деятельность кредитных учреждений, в которых участвовали германские капиталы, была основана на русских уставах. В числе 14 предприятий краткосрочного кредита на берлинской бирже котировались 8: Санкт-Петербургский коммерческий банк с акционерным капиталом в 60 000,0 тыс. руб.; Русский для внешней торговли банк — 60 000,0 тыс. руб.; Азовско-донской коммерческий банк — 60 000,0 тыс. руб.; Санкт-Петербургский учетно-ссудовый банк — 30 000,0 тыс. руб.; Сибирский торговый банк — 20 000,0 тыс. руб.; Рижский коммерческий банк — 10 000,0 тыс. руб.; Коммерческий банк в Варшаве — 20 000,0 тыс. руб.; Варшавский учетный банк — 10 000,0 тыс. руб. [Оль, 1922, с. 77–78].

Участие германских капиталов в банках, которые были упомянуты выше, может быть определено следующим образом: в Санкт-Петербургском коммерческом банке — 20 000,0 тыс. руб.; в Русском для внешней торговли банке — 24 000,0 тыс. руб.; в Азовско-Донском коммерческом банке — 8000,0 тыс. руб.; в Санкт-Петербургском учетно-ссудном банке — 4000,0 тыс. руб.; Сибирском торговом банке — 4000,0 тыс. руб.; Рижском коммерческом банке — 5000,0 тыс. руб.; Коммерческом банке в Варшаве — 6000,0 тыс. руб.; Варшавском учетном банке — 3000,0 тыс. руб. Акции же Русско-Азиатского банка с капиталом в 55 000,0 тыс. руб., Русского торгово-промышленного банка — 35 000,0 тыс. руб., Санкт-Петербургского частного коммерческого банка — 40 000,0 тыс. руб., Соединенного банка — 40 000,0 тыс. руб., не котировались на берлинской бирже. П. В. Оль не рассматривает участие германских капиталов в последних четырех банках значимым и берет его соответственно за: 1) 1000,0 тыс. руб.; 2) 1000,0 тыс. руб.; 3) 200,0 тыс. руб.; 4) 1000,0 тыс. руб. Можно заметить, что германский капитал также участвовал ещё в двух банках, которые не котировались на берлинской бирже: «Торговый банк Лодзи» с акционерным капиталом в 10 000,0 тыс. руб. и «Лодзинский купеческий банк» с капиталом в 5000,0 тыс. руб. Участие же в них германских капиталов можно оценить для первого в 2000,0 тыс. руб., а для второго в 1000,0 тыс. руб. [Оль, 1922, с. 78–79].

П. В. Оль также упоминает об участии германских капиталов в банках земельного кредита: в Бессарабско-Таврическом банке с акционерным капиталом в 8750,0 тыс. руб.; в Виленском земельном банке с акционерным капиталом в 105 00,0 тыс. руб. Следует отметить, что акции данных банков не котировались на берлинской бирже, но тем не менее обслуживались *DeutscheBank*, *Mendelssohn&C^o* и *DresdenerBank* в Берлине и Дрездене [Оль, 1922, с. 80].

Создание трестовых предприятий в России во многом было обусловлено стремлением немцев расширить сферу влияния благодаря сконцентрировавшемуся крупному капиталу, а также международному престижу на мировой арене. Задача финансирования крупных промышленных предприятий не могла быть возложена на немецкие банки, поэтому наибольшее значение для немцев приобрели капиталы, вложенные в русские коммерческие банки. Немцы, по сути, управляя работой коммерческих банков, контролировали и отдельные отрасли промышленности, занимаясь лишь теми из них, в которых была гарантирована высокая доходность. Участие германского капитала, в особенности германских банков, в акционерных капиталах наших банков оказывало сильное влияние не только на банковское дело в России, но и на большую часть отраслей русской промышленности, среди которых доминирующими были химическая и электротехническая. Тем самым германские капиталы активно воздействовали на развитие русского экономического сектора непосредственно через коммерческие банки.

Россия позже других европейских государств вступила на путь сначала капиталистического, а затем и империалистического развития. Довольно отсталая в техническом отношении, ещё не до конца избавившаяся от феодальных пережитков, страна нуждалась в помощи иностранных капиталов. Вместе с тем конец XIX — начало XX в. были отмечены возрастанием её империалистических интересов. Ведомая ими, Российская империя стремилась идти в ногу с Западом и разворачивала активную захватническую деятельность, которая выражалась в борьбе за проливы, в конфликтах с Англией — за сферы влияния в Персидском заливе, а также в постройке Маньчжурской железной дороги, что, вместе с корейской проблемой 1904 г., привело в том же году к Русско-японской войне. Во всех конфликтах такого рода Россия выступала в качестве союзника стран-владелиц иностранного капитала. Например, строительство Маньчжурской железной дороги обеспечивалось французскими капиталами посредством Русско-китайского банка, созданного специально для этой цели.

Иностранные капиталы проникали в нашу страну в различных формах и обликах. Их вливание осуществлялось в значительной степени в виде ввоза промышленного капитала, банковских операций, железнодорожного строительства, но в наибольшем размере иностранные капиталы привлекались правительством как государственные займы. И. Вавилин утверждает, что русское самодержавие так долго продержалось (почти до самой буржуазной революции) именно благодаря влитым в русскую экономику иностранным инвестициям. Итоги восьмимесячного срока правления буржуазии, в котором были заинтересованы только мелкобуржуазные партии, сводились лишь к тому, что русская буржуазия по понятным экономическим причинам полностью зависела от самодержавия, которое поддерживалось иностранными, а конкретно французскими, английскими, германскими и прочими, капиталами [Вавилин, 1925, с. 25]. Очевидно, что борьба буржуа-

зии и самодержавия была несостоятельна во всех отношениях. Буржуазия, начав предпринимать какие-то действия в противоположную от самодержавия сторону, могла лишиться всех заказов, субсидий и кредитов, которыми она активно пользовалась. Иностраный же капитал, в свою очередь, не только не мешал бороться за власть русскому самодержавию, но и охотно помогал учреждением для него новых займов, тем самым оттягивая момент его разрушения как такового.

Практиковать получение иностранных займов русское правительство начало еще в XVIII в. Так, первый внешний заём был произведен в 1769 г. в Голландии при Екатерине II с помощью банкиров де-Смет [Мигулин, 1899, с. 81–82]. Голландия в то время выступала кредитором всей Европы. Стоит отметить, что и итальянские займы, вместе с английскими, играли тогда тоже некоторую, но незначительную относительно Голландии, роль. Затем с середины XIX в. Россия активно пользовалась денежными кредитами в Англии, чем определялось ее выросшее значение в период от Крымской войны до Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., однако усиление противоречий между Англией и Россией, связанных с вопросами доминирования на Ближнем Востоке, свело кредитные отношения между двумя государствами к минимуму. В условиях сложившихся на тот момент выигрышных для Германии обстоятельств она с 1847 по 1887 г. быстро открывает свой кредитный потенциал для России. Но с 1887 г. Германия, как и Франция в свое время, начинает продавать бумаги русских государственных займов Франции в связи с тем, что Бисмарк в 1887 г. вычеркнул русские займы из списка русских ценностей, ломбардируемых имперским банком *Preussische Seehandlung*. Франция того времени выступала главным покупателем русских ценных бумаг, на основании чего произошел так называемый обмен ценностями с новой политической группировкой. Помимо того, что Франция заплатила за перекупленные у Англии и Германии русские ценные бумаги, она также стала размещать на своем отечественном рынке новые займы русского правительства: «В 1888 г. Россия заключает первый заём в Париже на 500 млн франков. Затем в 1889 г. состоялось 2 русских займа во Франции на 1,5 млрд франков и т. д.» [Вавилин, 1925, с. 26]. Франция удерживала свои позиции главного заёмного органа России до последнего момента. Даже усиливающийся политический кризис внутри страны не мог подорвать доверие Франции к царскому правительству. Так, «в апреле 1906 г. французская буржуазия предоставила царскому правительству без всяких условий заём на громадную сумму в 843 750 000 руб.» [Вавилин, 1925, с. 27]. Однако начало XX в. было ознаменовано возобновлением влияния Германии и Англии на заёмном рынке относительно России. Германия, как динамично развивающаяся страна с увеличивающимся военным потенциалом, представляла серьезную угрозу для Англии.

К 1882 г. уже отчетливо сформировалась политическая группировка. Так, в 1882 г. был подписан Тройственный союз между Германией, Австрией и Италией; в 1893 г. — франко-русский союз; в 1904 г. — союз между Англией и Францией; в противовес Тройственному — союз Англии, Франции и России. Два политических полюса противостояли друг другу в различных сферах, осуществляя подготовку к предстоящей войне. В 1902 г., впервые после перерыва, русский заём был размещен на германском рынке, а уже в 1905 г. Германия охотно предоставила русскому царскому правительству заём в 500 млн марок. В то же время ближневосточный конфликт усиливал разрозненность и экономическую враждебную отстранен-

ность между Англией и Россией. Вдобавок к этому Англия являлась союзником Японии в войне против России. Так создавались предпосылки к сближению России и Германии с экономико-политической точки зрения.

Анализируя размер иностранных займов из года в год в России в период с 1796 по 1917 г., можно привести следующие суммы (в млн руб.): 1796 г. — 35,40; 1801 г. — 53,53; 1832 г. — 213,62; 1852 г. — 732,24; 1861 г. — 1264,35; 1876 г. — 2949,57; 1886 г. — 4418,06; 1892 г. — 4905,41; 1903 г. — 6 652,00; 1913 г. — 8811,83; 1917 г. — 61 800,00 [Зив, 1918, с. 9–11]. Каждый скачок займов, которые были отмечены выше, был обусловлен военными событиями: война с Наполеоном, Крымская война, Русско-турецкая 1877–1878 гг., Русско-японская войны, но самое резкое повышение уровня государственной задолженности стоит отнести к войне 1914–1917 гг. По словам И. Вавилина, стоимость главнейших войн за XIX—начало XX столетия приблизительно выражается следующими цифрами: на войну 1812 г. было израсходовано, по официальному подсчету Баркляя де Толли, 155,5 млн руб. В действительности расходы были значительно больше; Крымская война потребовала чрезвычайных расходов на сумму в 4 млрд руб.; расходы на войну 1877–1878 гг. составили 1021 млн руб.; Русско-японская война — 2294,9 млн руб.; расходы на войну 1914–1917 гг. исчисляются в 35 млрд руб. [Вавилин, 1925, с. 29]. По оценке В. С. Зива, сумма российского долга за период Первой мировой войны увеличилась приблизительно с 8,8 млрд до 65 млрд руб., т. е. на 56 млрд руб.; сумма, значительно превосходящая стоимость всех войн за период с 1854 по 1905 г., выразилась, по исчислениям Альфреда Неймарка¹³, всего в 22 млрд руб. За время этой войны Россия позаимствовала в форме заключения краткосрочных и долгосрочных займов на внешнем и внутреннем рынках колоссальную сумму — свыше 56 млрд руб. [Зив, 1918, с. 9–11]. Если рассматривать движение государственного долга в России с 1901 по 1917 г., то можно увидеть такую картину (в млн руб.): 1901 г. — 6392; 1903 г. — 6652; 1905 г. — 2025; 1907 г. — 8726; 1909 г. — 9055; 1911 г. — 8958; 1913 г. — 8824; 1914 г. — 10488; 1915 г. — 18877; 1916 г. — 25 221; 1917 г. — 62 000 [Зив, 1918, с. 9–11].

Ввоз капитала в Россию в форме государственных займов был известен еще в XVII в., когда они использовались, как правило, не для производственного потребления, а для содержания армии и флота, ведения войн. Как уже отмечалось, роль иностранных капиталов в создании русской промышленности, например в XVIII в., была весьма незначительной.

С 90-х годов XIX в. началась эпоха интенсивного прилива германского капитала в производственной его форме в электротехническую, машиностроительную, химическую и нефтяную промышленность, транспорт и в другие отрасли. Если раньше немецкие капиталисты отдавали предпочтение займам, то в конце XIX — начале XX столетия получили большое значение и инвестиции. Германские капиталисты теперь охотнее вкладывали деньги в промышленность, чем в государственные займы, так как получали при этом несравненно большую прибыль — свыше 10% за затраченный капитал. Займы же давали примерно половину этой нормы. На 1914 г. в Россию в виде государственных займов от Германии притекло порядка 400 млн руб., что является сравнительно маленькой суммой относительно госу-

¹³ Французский экономист и статистик, автор ряда специальных работ, из которых наиболее значительны: “Finances contemporaines” (I т. — 1903; II т. — 1907); “L’Obsession fiscale” (5 т., 1872–1907).

дарственных займов, предоставленных России Францией (порядка 3000 млн руб.) [Вавилин, 1925, с. 26].

Следовательно, в период домонополистического капитализма иностранные капиталы поступали в Россию преимущественно в форме государственных внешних займов. Но уже во второй половине XIX в., особенно в 90-х годах, наблюдалось их помещение в разные промышленные предприятия. Однако ввоз капитала в Россию в форме займов правительству, железным дорогам и отдельным городам все-таки был преобладающим.

Таким образом, в конце XIX — начале XX в. стабильность государственной власти поддерживалась в немалой степени за счет иностранных вложений, осуществлявшихся в различных формах. При этом направления финансовых потоков и потоков капитала определялись текущей расстановкой сил на мировой арене. Стоит упомянуть также, что заметные скачки внешних займов наблюдались в периоды проведения военных кампаний и привели к последовательному возрастанию государственного долга.

2. Выработка и реализация мер по противодействию влияния германского капитала в России

2.1. Правительственные меры и элементы государственного регулирования

Преимущественным направлением в решении проблем «германского засилья» в экономическом секторе, помимо отчуждения принадлежавших немецким подданным земельных владений¹⁴, можно назвать меры по прекращению деятельности промышленных и торговых предприятий в России. Начало войны способствовало планомерному осуществлению предложенных мер. Указом от 28 июля 1914 г. властям было предписано задержать все торговые суда воюющих с Россией государств, застигнутые войной в русских портах [РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 36. Л. 1]. Последующие законодательные акты вводили временные ограничения прав «вражеских» подданных в приобретении недвижимости (22 сентября 1914 г.) и надзор за деятельностью принадлежащих им торгово-промышленных предприятий (15 ноября 1914 г.), т. е. это были меры, вызванные исключительной необходимостью [Дякин, 1968, с. 227].

В 1914 г. министром торговли и промышленности С. И. Тимашевым было предложено дополнительное ограничение прав немецких подданных путем введения запрета на выдачу патентов на изобретения и усовершенствования. Проект министра предусматривал также и прекращение делопроизводства по предоставленным заявкам на патенты. Ведомства получали право безвозмездно отчуждать в собственность государства ранее утвержденные патенты и усовершенствования, которые имели какое-либо отношение к государственной промышленности. Относительно патентов и усовершенствований в промышленном производстве, социальной сфере, а также государственном секторе предполагалось выплачивать определенные возмещения, но только после окончания войны.

¹⁴ В данной статье мы не рассматриваем подробно вопрос о преодолении «германского засилья» в аграрном секторе, так как оно никак не влияло на решение аграрного вопроса и в силу большого земельного фонда страны слабо затрагивало интересы русских аграрных производителей, являясь скорее популистским мероприятием правительства.

Пресса встретила данный проект не только без особого энтузиазма, но и крайне негативно. Газетчики утверждали, что данный проект — это не что иное, как прежнее законодательство, перефразированное на подходящий манер. Многие, в том числе и чиновники, близкие и неблизкие к кругам немецких промышленников, считали, что необходимо бороться с «немецким засильем» совершенно другими мерами.

Однако негативно восприняты были и меры, предложенные министром финансов России П. Л. Барком в начале февраля 1915 г. [РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 29. Л. 16], который считал целесообразным разделить предприятия непосредственно на торговые и промышленные. Он выступал за то, чтобы не трогать промышленные предприятия, потому что они были нужны с обороноемкой точки зрения, в то время как торговые предприятия ликвидировались за счет упразднения промысловых свидетельств.

Весна и лето 1915 г., со своими неудачами на фронте и ухудшающейся внутриполитической обстановкой, подтолкнули самодержавие к введению более жестких мер борьбы против «немецкого засилья». Военные круги настаивали на том, что необходимо в кратчайшие сроки избавиться от немецкой промышленности на территории страны. Они видели в этой деятельности решительно настроенный враждебный характер, который наносил вред армии, разрушая ее, и государству. Очевидно, что индивидуализированность немецкого капитала на территории России, его принципиальное отличие от прочих иностранных капиталов сыграли особую роль в решении данного вопроса. Русская буржуазия к тому времени уже смело проявляла антинемецкую активность. Мелкая и средняя буржуазия стремилась удалить с отечественного рынка иностранного конкурента, в особенности в торговле, рассматривая именно немецкого производителя в качестве основного бича сложившейся экономической обстановки на территории России. Но взгляды буржуазии и финансовых олигархов, как оказалось, были отличными друг от друга. Большинство представителей финансовых кругов отечественной экономики с опаской рассматривали борьбу с немецким капиталом. Их страхи были вполне обоснованны — борьба с «германизмом» в промышленности могла привести к оттоку иностранного капитала из страны. Русская промышленность рассчитывала получить солидную долю в результате дележки немецкого капитала, что активно поощряли правящие круги.

С 16 марта 1915 г. положением Совета министров вводилось право назначения инспекторов на немецких предприятиях. 10 мая 1915 г. немецкие подданные были исключены из состава членов общества взаимного кредита и городских кредитных обществ. 12 мая 1915 г. Министерству внутренних дел было предоставлено право до окончания войны вносить принадлежащие благотворительным обществам немецких подданных денежные капиталы в особый фонд Государственного банка, недвижимые имущества конфисковать, на движимые налагать арест, а Указом от 22 мая 1915 г. этим лицам воспрещалась выдача платежей и вкладов кредитными установлениями. Однако все то, что предшествовало Положению Совета министров от 10 мая 1915 г., представлялось менее существенным. Данное положение позволяло ликвидировать торгово-промышленные предприятия, чей устав был по определению германским. Далее последовали санкции и касательно фирм на базе русского устава, в которых было замечено участие германского капитала [Дякин, 1971, с. 219].

Во время Первой мировой войны на территории России было зарегистрировано 34 общества, функционирующих на основании иностранного устава, и порядка 600 обществ с русским уставом и участием германского капитала. С июля 1916 г. начал свою работу Особый комитет по борьбе с немецким засильем, который не нес законотворческой инициативы, но ограничивался контролем ранее принятых правительством постановлений¹⁵. Комитет стал направлять все свои силы на «освобождение русской торговли и промышленности от засилья немецчества» [РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 1. Л. 10]. Русские чиновники старались использовать сложившуюся ситуацию по максимуму, предполагая, что принятие данных мер сможет создать благоприятную обстановку как сейчас, так и в будущем для притока иностранного капитала в страну.

Полная ликвидация немецких предприятий была применима с точки зрения Особого комитета только для «государственно бесполезных» предприятий, в иных случаях немецкие предприятия переходили в руки других собственников. Особый комитет видел также и особый источник погашения долгов в отчуждаемых в пользу государства участках земли, на которых строились немецкие предприятия. Предполагалось приостановить ликвидацию предприятий сроком на 2 года с правом Совета министров продлевать его.

В конце января — начале февраля 1917 г. правительством было принято решение о принудительной продаже акций немецких компаний. Выпускная цена новых акций должна была определяться данными довоенного годового баланса обществ. Преимущественное право на приобретение акций имело государство, однако в случае отказа казны оно предоставлялось русским, союзным или нейтральным подданным, далее — прочим посторонним лицам. Предполагалось вносить вырученные от продажи суммы в особый фонд Государственного банка и в государственные сберегательные кассы, а в распоряжение Министерства на покрытие расходов по надзору за ликвидацией обществ и по продаже акций планировалось отчислять 0,25% со всей вырученной от продажи предприятия суммы и 1% с суммы продажи акций. Специально для осуществления данных мероприятий был создан Комитет по обязательной продаже неприятельских акций, который функционировал вместе с Министерством финансов и юстиции.

Вся тяжесть ликвидационных мероприятий легла на плечи мелких фирм с небольшим годовым оборотом. Возможно, это объяснялось тем, что Особый комитет просто не хотел связываться с крупными промышленниками, что можно было объяснить тем, что крупные предприятия были под защитой влиятельных российских финансовых группировок. Также следовало бы отметить, что Особый комитет, Комитет по продаже неприятельских ценных бумаг и прочие «антинемецкие» организации в первую очередь преследовали улучшение количественных показателей, а не качественных.

Война предоставила возможность убедиться в существенной зависимости отечественного производства и торговли от снабжения немецкими товарами. С одной стороны, оказалось, что экономически тяжело отказаться от торговых отношений с воюющими державами. В том же направлении подействовало вызванное умень-

---

¹⁵ Подробно деятельность Особого комитета рассмотрена в монографии [Соболев, 2004], поэтому в настоящей работе мы ограничимся лишь кратким описанием его действий.

шением конкуренции быстрое повышение цен на русские товары, недостаток которых экономика восполняла привозом зарубежных. Данные временные явления дали возможность осознать опасность одностороннего развития торговых отношений между Россией и Германией. Но, с другой стороны, война пробудила в отечественном сознании необходимость более глубокого развития собственного производства. Соответственно, перед государством должна была встать задача по выяснению мер, способствующих подъему отечественной промышленности. Эту задачу частично помогла выполнить деятельность общественных организаций и частных предпринимателей.

2.2. Частная инициатива и предложения по противодействию «германскому засилью»

По мнению определенных политических и экономических кругов Российской империи, мероприятия по непосредственному противодействию германскому влиянию должны были способствовать достижению намеченного экономического курса и развитию русской промышленности. В большом количестве эти действия были предложены Московским купеческим обществом (МКО) в 1915 г. Оно профинансировало социологическое и статистическое исследование проблемы, на основании которого в специальном докладе и были сформулированы основные положения «противодействия».

Среди большого количества мер по противодействию «германскому засилью», предложенных в докладе МКО по выяснению мер борьбы с германским и австро-венгерским влиянием в области торговли и промышленности, стоит отметить вопрос о бойкотах немецких и австро-венгерских товаров. В результате проведенных исследований выяснилось, что в целом отношение к бойкоту германских товаров крайне сочувственное, за исключением определенных групп фирм, которые согласились не только на полную ликвидацию немецких товаров с отечественного рынка, но и на полное удаление с рынка иностранных товаров враждебных государств [МКО..., 1915, с. 73]. Данное мероприятие было связано с определенными сложностями в осуществлении.

В докладе указывалось на то, что немецкие товары на русском рынке обладают хорошим качеством и низкой ценой. Соответственно, отказ от товаров немецкого происхождения влечет за собой финансовые потери потребителя и промышленника в случае невозможности перенесения возросших издержек производства на потребителя. Во время войны отказ от германских товаров по определению необходим. Для пробуждения новой волны отечественной конкуренции в сфере собственного промышленного производства нужен толчок, который имел бы свойство двигать экономику промышленного сектора и после окончания войны. В случае же ситуации, в которой после наступления мира отечественное производство останется неизменным, насаждение иностранного капитала, а именно германского, продолжится если не с новой, то как минимум с прежней силой.

Другая проблема была связана, прежде всего, с возможностью производства тождественного по своим характеристикам товара, который был бы способен конкурировать как на отечественном, так и на внешнем рынке. МКО видело решение данной проблемы в принятии следующих мер: русским промышленникам необходимо было выявить собственные причины экономической зависимости их товаров

от немецких, а также рассмотреть свое место на российской экономической арене в целом (причины промышленных технических, управленческих и прочих успехов немцев); при объявлении бойкота крупные отечественные промышленники должны были встать в «первые ряды» промышленной реорганизации, нацеленной на создание конкурентоспособного товара по ценовым и качественным характеристикам.

Предложенные меры по борьбе с «германским засильем» во многом оставались крайне проблемными, возможно, из-за неприятия бойкота русскими людьми вследствие особенностей национального характера. В результате опроса выяснилось, что многие сомневались в выдержке отечественных промышленников перед лицом германского капитала, основываясь, например, на том, что успех бойкота во многом будет опираться на опасения по поводу монопольного положения, которое, в случае успеха проведенных мер по противодействию, могут занять крупные русские промышленники.

Письма, которые были направлены в адрес МКО, содержали в себе призыв к организации и объединению русского торгово-промышленного класса. Предлагалось создавать специальные районные и всероссийские съезды, которые занимались бы выяснением причин и способов борьбы с «германским засильем». Данные съезды должны были организовываться объединением русских купцов и промышленников, в составе которого все имели бы право быть членами и пенсионерами по разрядам членских взносов в течение 25 лет. По истечении этих 25 лет каждый прекративший торговлю член общества пользовался бы правом на получение пенсии, согласно своему членскому взносу. Предлагалось даже ввести следующий пункт в Устав МКО: «Лицо, имеющее дело с немцами или их посредниками и вообще с фирмами недружественных нам держав, теряет право быть членом общества» [МКО..., 1915, с. 74–76].

Мелкие провинциальные торговцы должны были бы призывать к организации бойкота через крупные торговые фирмы, так как провинциальные торговцы сбывают то, что они хотели получить от оптовиков. Предполагалось, что крупные оптовые фирмы, у которых покупают товары мелкие предприятия, сами откажутся от их покупки у немцев.

МКО считало, что для восстановления самостоятельной работоспособности русской промышленности и торговли необходима справочно-посредническая организация. Процесс замены немецких товаров отечественными или товарами дружественных, нейтральных государств связан с возобновлением ранее утерянных или установлением новых торговых связей. Для промышленника или торговца, который либо не знает языков, либо совершенно не осведомлен о центрах производства ранее находившихся в руках немцев товаров, задача поиска нового поставщика товара оказалась бы совершенно непреодолимой, но такая же проблема встала бы и перед потребителем. С исчезновением с отечественного рынка немецких товаров он, в силу своей неосведомленности о положении рынка, столкнется с проблемой поиска тождественного немецкому товара.

Резкое проявление необходимости возобновления или установления новой организационно-справочной службы находило свое отражение в большей степени у мелких провинциальных торговцев, беспомощность которых выражалась в особенности в том, что многие из них не имели какого-либо представления о немец-

ких товарах в своей торговле в силу того, что на них зачастую не было этикеток, подтверждающих немецкое происхождение, поэтому возникла необходимость в определении товара непосредственно по этикетке. Многие обращались к МКО с просьбой обязательного указания на то, откуда можно получить тот или иной товар помимо Германии; в числе русских торговцев были также замечены и немцы, прямо заявлявшие о том, что готовы бойкотировать немецкие изделия, которые, по их мнению, возможно было получить от других поставщиков [МКО..., 1915, с. 78].

Это обстоятельство только подчеркивало «благоприятность момента для борьбы с германским экономическим влиянием». Во время войны фактически все одинаково были лишены возможности получать немецкие товары, но существовал ряд товаров, которые проникали на российский рынок под видом других иностранных марок. МКО заявило, что если центральные общества и различные комитеты помогут мелкому провинциальному торговцу выйти на конкурентный рынок путем создания новых торговых связей с дружественными государствами, то это положит крепкое начало в осуществлении мер против засилья немецкими товарами на территории страны.

В силу этих соображений вытекала необходимость широкой организации справочно-посреднической деятельности для облегчения и упорядочения упомянутых новых торговых сношений. Предлагалось создать местные организации, которые обслуживали бы потребность в посредничестве местных фирм. Так как многие организации, которые занимались непосредственно борьбой с «германским засильем» по своей территориальной принадлежности, находились в центральных городах (Москва, Санкт-Петербург, Харьков), для масштабной и наиболее эффективной борьбы предлагалось, чтобы такие организации объединялись и развивали широкую сеть в провинции. По мнению ряда корреспондентов МКО, для этого было необходимо немедленно организовать губернские комитеты, которые должны были заняться регистрацией всех торговцев и фабрикантов на местах, посещать их лично и растолковывать, что, прежде чем заказывать товары, они должны обращаться в организованные комитеты [МКО..., 1915, с. 80]. Но даже и не создание широкой сети комитетов по борьбе немецким влиянием представлялось самым важным, прежде всего необходимо было учредить центральное справочное бюро. «Уже одним только изданием справочного печатного органа и развитой системой объявлений о товарах русских и дружественных держав оно могло бы оказать значительное содействие развитию новых внутренних и внешних торговых отношений, взамен связавших нас прежде с Германией» [МКО..., 1915, с. 80]. Так, информацию относительно германских товаров всегда подавал «Всеобщий указатель», по которому можно было определить, что производят заводы в Германии, в то время как о продукции отечественных заводов информация таким путем не поступала. Существовало и другое мнение по поводу решения основной проблемы «германского засилья». Многие считали, что для скорейшего «выздоровления» нашей промышленности и торговли необходимо создание условий для единения торгово-промышленного мира через учреждение Всероссийского торгово-промышленного бюро, которое могло бы давать указания, на какой из заводов или на какую фабрику следует обратиться с заказом, так как относительно некоторых заводов неизвестно не только о том, какие изделия они могли бы изготовить, но даже об их существовании.

Отдельно можно рассмотреть предложенный МКО проект устройства «Национальной Посреднической Конторы», целью которой стало бы «содействие скорейшему выздоровлению отечественной промышленности» [МКО..., 1915, с. 81]. Достигалась бы данная цель путем открытия справочного или адресного отдела, отдела по заявлению привилегий и издания еженедельного журнала. Первым отделом проводились бы услуги информационного посредника, вторым — оценивались и поощрялись русские изобретения и усовершенствования. С помощью третьего — журнала — освещалась бы деятельность первых двух отделов, а также выяснялись недостатки русского производства по отношению к иностранному, печатались реклама и объявления.

МКО рассматривало в качестве крайне важных мероприятий учреждение выставок и музеев, в которых должны были бы быть «собраны изделия, ввозившиеся к нам до сих пор из Германии наряду с аналогичными изделиями русского производства или вообще не германского происхождения» [МКО..., 1915, с. 82]. Данные музеи могли бы дать наглядную возможность сравнивать товары по различным параметрам, таким как цена, качество и т. д. Очевидно, что эти выставки могли подтолкнуть русских промышленников и торговцев к усовершенствованию собственных производств, а также дать толчок русской инициативе в области устройства новых производств. Некоторые корреспонденты предлагали создать каталог бойкотируемых товаров, рассчитывая тем самым в максимальной степени снизить спрос на них. Как пример проведения в жизнь бойкота немецких товаров, МКО рекомендовало взглянуть на подобные выставки в Англии. Существовали также мнения о том, что в России необходима постоянная «образцовая выставка», на которой были бы представлены всевозможные товары русских торговцев и промышленников, а также дружественных и союзных нам держав. Именно такая выставка, по мнению многих, могла бы круглый год давать возможность русским и иностранным купцам знакомиться с отечественным товаром. Благодаря этому мероприятию фабриканты могли снизить издержки на печать каталогов продукции с ценами. Купцы могли делать свои заказы в Москве или Санкт-Петербурге, не теряя времени на поездку за границу.

К важным аспектам решения проблем, связанных с германским влиянием, МКО относит развитие торговых сношений с дружественными державами, под которыми в то время понимались Англия и Франция. Многие корреспонденты были настроены на избавление русской экономики от засилья всех иностранных товаров, однако, в силу сложившихся не в нашу пользу обстоятельств, в то время это оказалось невозможно в принципе. Отмечалось, что необходимо учредить организации посреднических контор для сношений ввиду незнания языков и торговых обычаев чужих стран. В одном случае предлагалось создать «Российское акционерное общество торговых сношений с Англией и Францией». Данное общество должно было бы поддерживать отечественную торговлю, покровительствовать вывозной торговле, представлять английские французские фирмы. «Деятельность общества должна выражаться в открытии отделений во всех крупных городах империи, а также в Лондоне и Париже, в устройстве музеев образцов товаров, в учете наложенных платежей, в совершении таможенных и железнодорожных обрядностей, в посредничестве, в справках о кредитоспособности, в наборе штата собственных опытных вояджеров и т. д.» [МКО..., 1915, с. 85].

По собранным МКО данным, меры борьбы с «германским засильем», которые предпринимало правительство, неоднородны и неравноценны по отношению к различным субъектам, поэтому ставка делалась в большей степени на противодействие посредством частной и общественной инициативы.

Кроме вышеизложенных мер по борьбе с «германским засильем» предлагались и такие: отмена действия германских патентов, борьба с немецкой рекламой; запрещение немецким вояджерам посещения русских городов; издание списков служащих в отдельных фирмах с указанием их национальности; запрещение в пределах России какой-либо деловой корреспонденции на немецком языке; конфискация немецких предприятий; пожелание снабдить постановление о бойкоте угрозой наказания за нарушения его (например, лишение кредита в Государственном банке или же штраф); изгнание «высших немцев».

Значительная часть корреспондентов приветствовала освобождение отечественной экономики не только от «германского засилья», но и от иностранного влияния в целом, поэтому МКО предложило ряд мер, направленных, по его мнению, на развитие собственной промышленности.

К мерам, которые имели бы органический характер, были отнесены задачи, связанные с получением профессионального образования. Предлагалось открыть ряд школ по изучению различных специальностей. «В каждом случае открытие школ было вызвано опытом собственного предприятия, страдающего от недостатка обученных сил». Предлагалось разьединить «практическую» промышленность и «интеллигентную» науку, прививать интерес к промышленности через интерес к науке. В России наблюдался недостаток специализированных рабочих, предлагалось специальное образование молодежи посредством открытия не только специализированных школ, но и технических училищ, технологических институтов и университетов, в которых «молодежь могла бы получать трезвое воспитание» [МКО..., 1915, с. 91].

К следующим мерам, направленным на развитие собственной промышленности, следует отнести мероприятия по организации и удешевлению промышленного кредита. Недостаток кредитной системы виделся в том, что кредит малодоступен и дорог, в особенности для мелких и средних предприятий.

Для некоторых предприятий крупные масштабы производства являются залогом успешной конкуренции. Поэтому к числу мер органического характера можно отнести вопрос об облегчении условий образования акционерных компаний. Один корреспондент утверждал, что «единственным выходом из всех тупиков может послужить реорганизация промышленности и торговли на началах объединения торгово-промышленных предприятий и ассоциаций, так как при ассоциации капиталов делается возможным ко всякой фабрикации применять самые усовершенствованные приемы техники и довести производство до максимума» [МКО..., 1915, с. 93].

Отмечалась необходимость развития путей сообщения для реорганизации и совершенствования промышленности. Встречались указания на то, что существовали случаи вытеснения русских товаров германскими благодаря затруднительности их перевоза.

В числе мер по подъему промышленности также числится и содействие кустарной ремесленной промышленности (т. е., говоря современным языком, малого биз-

неса). Вся внутренняя торгово-промышленная политика в стране была направлена на развитие и покровительство главным отраслям народного хозяйства, которые могли выдержать функционирование в условиях конкуренции. И именно в таких отраслях промышленности, как каменноугольная, металлургическая, Россия развивалась достаточно быстро, постепенно освобождаясь от иностранной зависимости. Но в отечественном производстве не хватало орудий производства, станков и ряда готовых изделий, либо требующих высокой техники и ограниченного сбыта, либо обладающих сравнительно ограниченным рынком.

Многие относились крайне отрицательно к деятельности синдикатов, поэтому к одной из мер развития промышленности можно отнести борьбу с ними. Их деятельность требовала безотлагательного вмешательства государства в связи с неудовлетворительным состоянием мелкой промышленности.

Другой важной мерой по развитию промышленности в стране можно назвать создание условий народной трезвости (не правда ли, современная проблема?)¹⁶.

МКО также предложило специальные меры, направленные на поощрение и насаждение новых отраслей промышленности и расширение уже существующих. В качестве таковых особое значение придавалось таможенной политике и финансированию предприятий.

Касательно таможенной политики существовало несколько мнений. Торговые фирмы не были заинтересованы в протекционистской политике в отношении отечественного товара. Они рассматривали таможенные барьеры как «удорожающие их производство меры» [МКО..., 1915, с. 98]. Таможенный тариф в начале XX в. в большей степени защищал сырье и полуфабрикаты, чем готовые изделия. Например, руководство одной крупной фармацевтической фирмы видело причину отсталости этой отрасли промышленности в чрезмерно высоком по сравнению с готовым продуктом обложении сырья. Оно считало целесообразным, наряду с изменением соотношения этих двух ставок в обратную сторону, обложить ещё вывозной пошлиной сырье, пригодное для химико-фармацевтических целей. Считалось, что можно было бы организовать очень эффективный бойкот немецких товаров и поддерживать русскую промышленность, не обращая внимания на временную переплату за товары вновь возникающих отраслей промышленности [МКО..., 1915, с. 100].

Большое внимание также уделялось и вопросу финансирования предприятий как мере развития старых и насаждения новых отраслей промышленности. Изобретатели и фабриканты, которые использовали на своих предприятиях современные оборудование, станки, призывали обратить внимание на то, что они могли бы расширить область производства за счет финансирования предприятий.

После того как границы для немецких товаров были закрыты, перед нашей экономикой встал вопрос развития собственного производства. Но зачастую для наукоемкого производства не хватало достаточного финансирования. Мелкие промышленники жаловались на политику банков по отношению к ним и на невозможность пользоваться кредитом Государственного банка. В пример можно привести владельца провинциальной электрической станции. В связи с тем, что германские капиталисты занимали доминирующее положение в электротехнической промыш-

---

¹⁶ Кстати, действие «сухого закона» в России в период Первой мировой войны следует считать успешным.

ленности, существовала зависимость производств от немецких изделий. Кредиты немцев поддерживали банки, а «нам те же банки отказывают в поддержке, если мы хотим развивать наше дело самостоятельно и чуждаемся биржевой игры акциями или паями предприятия» [МКО..., 1915, с. 102]. Отечественный кредит характеризовался дороговизной и неприспособленностью к нуждам промышленников. Особенно отчетливо это можно наблюдать на примере сроков кредита. Предлагалось построить широкую, свободную и льготную систему кредитования, иметь взаимные фабрично-заводские кредитные учреждения, которые «принимали и выдавали бы деньги, субсидировали, по мере надобности, не на 6 месяцев, как теперь установилось в банках, а от 6 месяцев до 2 лет» [МКО..., 1915, с. 103]. Многие высказывались за открытие свободного кредита для кустарного производства, так как этот промысел почти не кредитовался. Предполагалось, что Министерство финансов должно пойти навстречу и выдать ссуды под товар за определенный процент, который был бы определен Государственным банком. Лучшим ответом на этот вопрос МКО считало организацию специальных кредитных учреждений для устранения затруднений с получением финансирования.

Предложенные выше меры по развитию промышленности в стране, конечно, не характеризуются полной определенностью, но недостаток специального промышленного кредита, приспособленного к нуждам и особенностям отдельных отраслей промышленности, а также кредита, который был бы доступен одинаково и крупным, и средним предприятиям, являлся существенной преградой для развития и становления собственной промышленности. Поражает большое сходство в задачах, стоявших перед отечественной экономикой сейчас и столетие тому назад, когда российская экономика функционировала в чрезвычайных условиях войны реальной и нынешней «санкционной».

Последнее заседание Особого комитета по закрытию и ликвидации дел торгово-промышленных предприятий состоялось 9 февраля 1917 г.; полное осуществление «мер по противодействию» ещё царской России уже не представлялось возможным. По подсчетам В. С. Дякина, участие германского или австрийского капитала было обнаружено или заподозрено в 611 акционерных обществах, решение же о ликвидации было принято лишь в отношении 96 предприятий. Из них 62 акционерных предприятия по какой-либо причине избежали ликвидации, положение трех предприятий неизвестно, 19 предприятий перешли к новым владельцам в полном составе, 6 — распроданы по частям, 6 — реквизированы или конфискованы; из числа ликвидированных было 23 промышленных и 7 торговых [Дякин, 1968, с. 235]. Согласно данным Особого комитета, к лету 1916 г. в списке предприятий, подчиненных правительственному надзору, было внесено 712 акционерных обществ, товариществ, отдельных мелких торгово-промышленных заведений и ремесленных мастерских. К июлю 1916 г. из данного списка постановлено было ликвидировать 91. С момента учреждения Особого комитета было решено ликвидировать всего 81 предприятие [РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 36. Л. 20–44].

Если учесть, что к 1915 г. в России было выявлено 2941 предприятие, частично или полностью принадлежащее германским или австрийским подданным, то проведенная ликвидационная политика в торгово-промышленном секторе России может рассматриваться как крайне неэффективная. Правящие российские круги, ратовавшие за скорейшее освобождение российской экономики от немецкого тор-

гово-промышленного засилья, на практике действовали исходя из реального положения дел, отказываясь от жестких мер относительно большей части немецких предприятия, порой сводя исполнение ликвидационной политики на нет.

Заключение

Кампания по ликвидации «немецкого засилья» в стране была крайне непродуманной и обреченной на неудачу с самого начала её проведения. Общий ход превращения предложенных мер в реальность был очень неоднороден. Особый комитет должен был выполнить две взаимоисключающие задачи: заниматься ликвидацией «немецкого засилья» со всех сторон, демонстрируя свою активность в целях пропаганды, и соблюдать с крайней осторожностью законы, связанные не только с ликвидацией «немецкого засилья», но и другие смежные с понятием частной собственности законы.

Борьба с «германизмом» далеко не оправдала возложенных на неё надежд. Последствия борьбы с «немецким засильем» не только были неблагоприятными, но стали и весьма пагубными для народного хозяйства. Эти ликвидационные меры, проводимые в истощенной войной стране, усугубили проблемы с продовольствием и промышленным производством. Машина бюрократизма не смогла предотвратить стагнацию в производстве ликвидационных предприятий. Процесс принятия решения о ликвидации и непосредственно её осуществления требовал огромного запаса времени, которого во втянутой в войну экономике у правительства и промышленности просто не было.

Предложенные Московским купеческим обществом меры по противодействию германскому засилью в торговле и промышленности были в большей степени популистскими со стороны буржуазии и в меньшей степени осуществимы со стороны государства. Доклад МКО в первую очередь выражал взгляды патриотически настроенной средней и мелкой буржуазии. По собранным МКО данным, меры борьбы с германским засильем, которые требуют правительственного вмешательства, неоднородны и неравноценны, поэтому в докладе в большей степени определяются таковые меры со стороны частной и общественной инициативы. Предложения МКО по развитию промышленности в стране не характеризуются определенностью, но недостаток специального промышленного кредита, приспособленного к нуждам и особенностям отдельных отраслей промышленности, а также кредита, который был бы доступен одинаково и крупным, и средним предприятиям, являлся существенной преградой для развития и становления собственной промышленности. Этим мерам не суждено было претвориться в жизнь по понятным политико-экономическим причинам.

Борьба с «немецким засильем» привела к невиданному росту цен продукции отечественной промышленности, прежде всего военно-промышленного комплекса и отраслей, занимавшихся снабжением армии. Так, по сведениям Российского Генерального штаба, цены на военную продукцию выросли в разы всего за один-два года. Например, цена выстрела для тяжелого артиллерийского орудия выросла за неполных 2 года в 15 раз! [Военная промышленность России..., 2004]. Появились нувориши, фабриканты, заводчики, нажившиеся на военных поставках. При этом русская армия постоянно испытывала недостаток в снабжении боевыми и иными

припасами. Нарастающая социальная напряженность в солдатской среде была одной из причин революционных событий в России 1917 г. Таким образом, косвенно объявленная Правительством России борьба с «немецким засильем» оказалась в ряду причин разрушения и хаоса последовавших за революцией периодов военного коммунизма и Гражданской войны.

Существовало ли в России «немецкое засилье»? С экономической точки зрения данный термин не имеет под собой реальных оснований. Немецкая предпринимательская деятельность, в основе активности которой лежал германский капитал, имела свое место ещё до Первой мировой войны и не вступала с русской экономикой ни в какие конфликты. Выявленные в ходе ликвидационной политики случаи сознательного сокрытия истинных данных о доходах, расходах и прочего не могут служить основанием для признания «немецкого засилья» в экономике страны, если принять во внимание, что к 1915 г. в России было выявлено 2941 предприятие, частично или полностью принадлежащее германским или австрийским подданным, а решение о ликвидации было принято лишь в отношении 96 предприятий. Относительно того, что немецкие подданные «жадно» эксплуатировали трудовые и природные ресурсы страны, можно сказать, что и русские промышленники действовали не менее хищнически. Проведенная ликвидационная политика в торгово-промышленном секторе России может рассматриваться как крайне неэффективная. Власть, ратовавшая за скорейшее освобождение российской экономики от «немецкого торгово-промышленного засилья», на практике действовала исходя из реального положения дел, отказываясь от жестких мер относительно большей части немецких предприятий, порой сводя исполнение ликвидационной политики на нет. Не имевшая объективных экономических причин и трагичная по своим последствиям — именно так стоит охарактеризовать борьбу с «немецким засильем» в торговле и промышленности России. Однако задачи, стоявшие перед отечественной промышленностью в годы экономического кризиса, вызванного Первой мировой войной и определенные российским экономическим сообществом, не потеряли своей актуальности и в условиях современных кризисных явлений в отечественной экономике, вызванных санкционной политикой Запада по отношению к России.

Анализируя последствия кампании по преодолению «германского засилья» в отечественной экономике, можно сделать общий вывод о том, что сами по себе «ограничения и противостояния» никак не способствуют оздоровлению национальной экономики. Вся борьба с «засильем» была организована и проплачена крупной национальной буржуазией, которая надеялась на получение (и получила!) сверхприбыли при устранении здоровой конкуренции. Современная ситуация в российской экономике очень близка к тому, что мы наблюдаем в начале XX в. Фактор «немецкого засилья» в определенной степени коррелируется с санкционной политикой Запада по отношению к современной России. Но политика ликвидации «немецкого засилья» не привела автоматически к росту национальной промышленности. Надежды на то, что современная «санкционная война» автоматически приведет к построению экономики импортозамещения только из-за того, что было принято такое решение [Официальный сайт..., <http://www.kremlin.ru...>], так же призрачна и непродуктивна, как и борьба с «засильем», имевшая место в относительно недавнем нашем прошлом.

Литература

- Бакулев Г. Д. Черная металлургия Юга России. М., 1953. 248 с.
- Бовыкин В. И. Зарождение финансового капитала в России. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1967. 295 с.
- Бовыкин В. И. Формирование финансового капитала в России. Конец XIX в. — 1908 г. М., 1984. 287 с.
- Брандт Б. Ф. Иностранные капиталы. Их влияние на экономическое развитие страны: в 4 ч. СПб.: Издательство — Тип. В. Киршбаума, 1898–1901. 328+460+471 с.
- Вавилин И. Иностранные капиталы в России. М.; Л.: Гос. изд., 1925. 128 с.
- Военная промышленность России в начале XX века. 1900–1917. Сборник документов. М.: Новый хронограф, 2004.
- Воронов Л. И. Иностранные капиталы в России. Докл. Моск. отд-нию О-ва для содействия рус. пром-ти и торговле. М., 1901. 96 с.
- Донгаров А. Г. Иностранный капитал в России и СССР. М.: Международные отношения, 1990. 170 с.
- Дякин В. С. Германские капиталы в России. Л.: Наука, 1971. 288 с.
- Дякин В. С. Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья // Первая мировая война. 1914–1918. М.: Наука, 1968. С. 227–238.
- Зак А. Н. Немцы и немецкие капиталисты в русской промышленности. СПб., 1914. 67 с.
- Зак А. Н. Нефтяной трест в России // «Биржа». 1913. № 21–2. С. 6–8.
- Зив В. С. Иностранные капиталы в русских акционерных предприятиях. Германские капиталы. Вып. 1. Пг.: Типография редакции периодических изданий Министерства финансов, 1915. 104 с.
- Зив В. С. Государственное банкротство и иностранные капиталы. Пг., 1918. 32 с.
- Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: очерки / Бовыкин В. И., Гурушина Н. Н., Дьяконова И. А. и др. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1997. 323 с.
- Кризис самодержавия в России, 1895–1917 / под ред. В. С. Дякина. Л.: Наука, 1984. 664 с.
- Левин И. И. Германские капиталы в России. Пг., 1918. 92 с.
- Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. 791 с.
- Мигулин П. П. Русский государственный кредит. Т. I. Харьков: Типо-литография «Печатное Дело», 1899. 606 с.
- Московское купеческое общество. Доклад комиссии по выяснению мер борьбы с германским и австро-венгерским влиянием в области торговли и промышленности. М., 1915. 141 с.
- Оль П. Иностранные капиталы в России. Пг.: 4-я Государственная типография, 1922. 304 с. РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 36. Л. 1; Д. 29. Л. 16; Д. 1. Л. 10; Д. 36. Л. 20–44.
- Ронин С. Иностранный капитал и русские банки. К вопросу о финансовом капитале в России. М.: Изд. Ком. ун-та им. Свердлова, 1926. 144 с.
- Соболев И. Г. Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны. СПб.: Изд-во «Российская национальная библиотека», 2004. 176 с.
- Хромов П. А. Очерки экономики России периода монополистического капитализма. М.: Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1960. 240 с.
- Эвентов Л. Я. Иностранные капиталы в русской промышленности. М.; Л.: Объединение государственных книжно-журнальных издательств (ОГИЗ), 1931. 104 с.
- Янжул И. И. Очерки и исследования. Сборник статей по вопросам народного хозяйства, политики и законодательства. Т. 1–2. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К^о, 1884. 536 с.
- Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/23900> (дата обращения: 27.04.2015).

References

- Bakulev G. D. *Chernaja metallurgija Juga Rossii* [*Ferrous Metallurgy of the South of Russia*]. Moscow, 1953. 248 p. (In Russian)
- Bovykin V. I. *Zarozhdenie finansovogo kapitala v Rossii* [*Financial Capital Origin in Russia*]. Moscow, Izd-vo Mosk. gos. un-ta, 1967. 295 p. (In Russian)
- Bovykin V. I. *Formirovanie finansovogo kapitala v Rossii konec XIX v. — 1908 g.* [*Financial Capital Formation in Russia in the end of the XIX century — 1908*]. Moscow, 1984. 287 p. (In Russian)
- Brandt B. F. *Inostrannye kapitaly. Ih vlijanie na jekonomicheskoe razvitie strany. V 4 ch.* [*Foreign capitals. Their influence on economic development of the country. In 4 parts*]. St. Petersburg, Izdatel'stvo — Tip. V. Kirshbauma, 1898–1901. (In Russian)
- Vavilin I. *Inostrannye kapitaly v Rossii* [*The foreign capitals in Russia*]. Moscow, Leningrad, Gos. izd., 1925. 128 p. (In Russian)

- Voennaja promyshlennost' Rossii v nachale XX veka. 1900–1917. Sbornik dokumentov [Military Industry of Russia at the Beginning of the XX Century. 1900–1917. Collection of Documents]*. Moscow, Novyj hronograf Publ., 2004. (In Russian)
- Voronov L. I. *Inostrannye kapitaly v Rossii. Dokl. Mosk. otd-niju O-va dlja sodejstvija rus. prom-sti i trgovle [The Foreign Capitals in Russia. The Report to the Moscow Office of Society for Assistance of the Russian Industry and Trade]*. Moscow, 1901. 96 p. (In Russian)
- Dongarov A. G. *Inostrannyj kapital v Rossii i SSSR [The Foreign Capital in Russia and the USSR]*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia, 1990. 170 p. (In Russian)
- Djakin V. S. *Germanskije kapitaly v Rossii [The German Capitals in Russia]*. Leningrad, Nauka, 1971. 288 p. (In Russian)
- Djakin V. S. *Pervaja mirovaja vojna i meroprijatija po likvidacii tak nazываемого nemeckogo zasil'ja [World War I and Actions for Elimination of so-called German Domination]. Pervaja mirovaja vojna. 1914–1918 [World War I. 1914–1918]*. Moscow, Nauka, 1968. 227–238 pp. (In Russian)
- Zak A. N. *Nemcy i nemeckije kapitalisty v ruskoj promyshlennosti [Germans and the German capitalists in the Russian industry]*. Saint-Petersburg, 1914. 67 p. (In Russian)
- Zak A. N. *Neftjanoj trest v Rossii [Oil Trust in Russia]*. *Birzha [Exchange]*, 1913, no. 21–2, pp. 6–8. (In Russian)
- Ziv V. S. *Inostrannye kapitaly v russkih akcionerных predpriyatijah. Germanskije kapitaly. Vyp. 1 [The Foreign Capitals in the Russian Joint-Stock Enterprises. German Capitals. Issue 1]*. Petrograd, Tipografiaia redaktsii periodicheskikh izdaniij Ministerstva finansov, 1915. 104 p. (In Russian)
- Ziv V. S. *Gosudarstvennoe bankrotstvo i inostrannye kapitaly [State Bankruptcy and Foreign Capitals]*. Petrograd, 1918. 32 p. (In Russian)
- Bovykin V. I., Gurushina N. N., Dyakonova I. A., etc. *Inostrannoe predprinimatel'stvo i zagranichnye investicii v Rossii: Oчерki [Foreign Business and Foreign Investments in Russia: Essays]*. Moscow, In-t ros. istorii RAN, 1997. 323 p. (In Russian)
- Krizis samoderzhavija v Rossii. 1895–1917 [Autocracy Crisis in Russia. 1895–1917]*. Ed. by V. S. Diakin. Leningrad, Nauka, 1984. 664 p. (In Russian)
- Levin I. I. *Germanskije kapitaly v Rossii [The German Capitals in Russia]*. Petrograd, 1918. 92 p. (In Russian)
- Lenin V. I. *Razvitie kapitalizma v Rossii [Development of Capitalism in Russia]*. *Poln. Sobr. Soch., t. 3 [Complete Works, V. 3]*. 791 p. (In Russian)
- Migulin P. P. *Russkij gosudarstvennyj kredit. T. I [Russian state credit. V. I]*. Kharkiv, Tipoligrafiaia "Pechatnoe Delo", 1899. 606 p. (In Russian)
- Moskovskoe kupecheskoe obshchestvo. Doklad komissii po vyjasneniju mer bor'by s germanskim i avstro- vengerskim vlijaniem v oblasti trgovli i promyshlennosti [Moscow Merchant Society. The Commission on Clarification of Measures against the German and Austro-Hungarian Influence in Trade and Industry Spheres Report]*. Moscow, 1915. 141 p. (In Russian)
- Ol' P. *Inostrannye kapitaly v Rossii [The Foreign Capitals in Russia]*. Petrograd, 4-ia Gosudarstvennaia tipografiaia, 1922. 304 p. (In Russian)
- RGIA. F. 1483. Op. 1. D. 36. L. 1; D. 29. L. 16; D. 1. L. 10; D. 36. L. 20–44 [Russian State Historical Archive. B. 36. L. 1; B. 29. L. 16; B. 1. L. 10; B. 36. L. 20–44]. (In Russian)
- Ronin S. *Inostrannyj kapital i russkie banki. K voprosu o finansovom kapitale v Rossii [Foreign Capital and Russian Banks. To a Question of the Financial Capital in Russia]*. Moscow, Izd. Kom. un-ta im. Sverdlova, 1926. 144 p. (In Russian)
- Sobolev I. G. *Bor'ba s "nemeckim zasil'em" v Rossii v gody pervoj mirovoj vojny [Fight Against "The German Domination" in Russia during the World War I]*. Saint-Petersburg, Rossiiskaia natsional'naia biblioteka Publ., 2004. 176 p. (In Russian)
- Hromov P. A. *Oчерki jekonomiki Rossii perioda monopolisticheskogo kapitalizma [Russian Economy Essays of the Monopoly Capitalism Period]*. Moscow, Izd-vo VPSH i AON pri TsK KPSS, 1960. 240 p.
- Jeventov L. Ja. *Inostrannye kapitaly v ruskoj promyshlennosti [The Foreign Capitals in the Russian Industry]*. Moscow, Leningrad, Ob'edinenie gosudarstvennykh knizhno-zhurnal'nykh izdatel'stv (OGIZ), 1931. 104 p. (In Russian)
- Janzhul I. I. *Oчерki i issledovanija. Sbornik statej po voprosam narodnogo hozjajstva, politiki i zakonodatel'stva. T. 1–2 [Essays and Researches. The Collection of Articles Concerning a National Economy, Policy and the Legislation]*. Moscow, Tip. A. I. Mamontova i K^o, 1884. 536 p. (In Russian)
- Sajt Prezidenta Rossii [President of Russia website]*. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/23900> (accessed: 27.04.2015).

Статья поступила в редакцию 30 июня 2015 г.